ГОЛЛАНДСКИЙ ДОМ
ЭНН ПЭТЧЕТТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД

Энн Пэтчетт

Голландский дом

Издательство «Синдбад»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

Пэтчетт Э.

Голландский дом / Э. Пэтчетт — Издательство «Синдбад», 2019

ISBN 978-5-00131-245-1

Новый роман американской писательницы Энн Пэтчетт напоминает сказку братьев Гримм, разросшуюся до масштабов семейного эпоса. История главных героев, Дэнни Конроя и его сестры Мэйв, охватывает всю вторую половину XX века, а их судьбы оказываются роковым образом переплетены с Голландским домом – особняком на востоке Пенсильвании, когда-то принадлежавшим разорившейся династии нидерландских магнатов Ванхубейков. Сам по себе Голландский дом не населен призраками, но каждый, кто переступает его порог, в каком-то смысле становится призраком дома – куда бы он потом ни отправился, где бы впоследствии ни жил, повсюду носит с собой этот образ. У Дэнни и Мэйв только это и есть: безвременно ушедший из жизни отец, давным-давно превратившаяся в воспоминание мать, будто бы вышедшая из ночного кошмара мачеха и зловещий фамильный особняк. А также взрослая жизнь, которая все никак не начнется: проклятие детства, печать сиротства, невозможность разорвать однажды сформировавшиеся узы. «Голландский дом» – история о победе любви над злом. Победе, замешенной на потерях и во многом неочевидной, потому что в конечном счете читателю предстоит разобраться самому, на чьей он стороне и был ли здесь злодей. И если был – то кто?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-00131-245-1

© Пэтчетт Э., 2019
© Издательство «Синдбад», 2019

Содержание

Часть первая 7
Глава 1 7
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 26
Глава 5 33
Глава 6 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Энн Пэтчетт
Голландский дом

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2021

* * *

Посвящается Патрику Райану

Часть первая

Глава 1

КОГДА ОТЕЦ ВПЕРВЫЕ привел Андреа в Голландский дом, Сэнди, наша экономка, зашла в комнату моей сестры и велела нам спускаться.

– Отец хочет вас кое с кем познакомить, – сказала она.

– С кем-то с работы? – спросила Мэйв. Она была старше и обладала более обширным представлением о знакомствах.

Сэнди помедлила с ответом.

– Увидите. Где твой брат?

– На подоконнике, – сказала Мэйв.

Чтобы найти меня, Сэнди пришлось раздвинуть шторы.

– Зачем ты завешиваешься?

Я читал. «Приватность», – ответил я, хотя в свои восемь не очень понимал, что имею в виду. Мне нравилось само слово и ощущение, которое давали задернутые шторы, – будто в коробке сидишь.

Личность гостя была загадкой. Друзей у отца не было – во всяком случае, таких, чтобы можно было привести домой субботним вечером. Я выбрался из своего убежища, вышел к лестнице и улегся на коврик, покрывавший площадку. По опыту я знал, что, если лечь на пол и заглянуть в проем между опорной колонной и верхней балясиной, можно увидеть, что происходит в гостиной. Отец стоял у камина с какой-то женщиной – судя по всему, они рассматривали портреты мистера и миссис Ванхубейк. Я поднялся на ноги и вернулся в комнату сестры, чтобы отчитаться.

– Это женщина, – сказал я Мэйв. Сэнди это и так уже знала.

Сэнди спросила, почистил ли я зубы, очевидно, имея в виду, чистил ли я их утром. Кому придет в голову чистить зубы в четыре часа дня? Джослин по субботам не работала, поэтому Сэнди приходилось со всем управляться самой. Она разжигала камин, встречала посетителей, предлагала им выпить, а тут еще мои зубы. Выходной у Сэнди был в понедельник. По воскресеньям отдыхали они обе, поскольку отец считал, что негоже заставлять людей работать в воскресный день.

– Почистил, – ответил я, потому что скорее всего так оно и было.

– Ну так еще раз почисти, – сказала она. – И причешись.

Последнее относилось к моей сестре: ее черные волосы были длинными и густыми, как связанные вместе десять конских хвостов. Чеши не чеши – толку все равно никакого.

Когда Сэнди сочла, что нам можно показаться на люди, мы с Мэйв спустились вниз и встали под широкой аркой в холле, глядя, как папа и Андреа смотрят на Ванхубейков. Они нас не заметили или не обратили на нас внимания – трудно сказать, – поэтому мы стояли и ждали. Вести себя тихо мы с Мэйв умели – привычка, рожденная в попытках не раздражать отца, хотя, когда он чувствовал, что мы крадемся, это раздражало его лишь сильнее. На нем был синий костюм. Он никогда не носил костюм по субботам. В тот раз я впервые заметил, что волосы у него на затылке начали седеть. Рядом с Андреа он казался еще выше, чем был.

«Какое это, должно быть, утешение, что они всегда рядом», – сказала Андреа о картинах, не о детях. Мистер и миссис Ванхубейк, чьи имена мне были неизвестны, выглядели на портретах старыми, но при этом не то чтобы совсем древними. Оба одеты в черное, позы подчеркнуто формальные, из других времен. Несмотря на разделявшие их рамы, они были вместе, они были так безоговорочно *женаты*, что я всегда думал об их портретах как об одной

большой картине, которую кто-то разрезал пополам. Андреа запрокинула голову, изучая две пары хитрых глаз, которые, казалось, с неодобрением следили за мальчиком, вне зависимости от того, на какой из диванов он решит присесть. Мэйв украдкой ткнула меня пальцем меж ребер, чтобы я взвизгнул, но я сдержался. Нас еще не представили Андреа, которая со спины казалась маленькой и изящной в своем подпоясанном платье и темной шляпке размером с блюдце, приколотой к пряди светлых волос. Будучи воспитанником монахинь, я знал: лучше не смущать гостя смехом. Андреа никак не могла знать, что люди на картинах достались нам вместе с домом, что вообще все в доме досталось нам вместе с домом.

На Ванхубейков в гостиной невозможно было не засмотреться – будто поблекшие полноразмерные копии реальных людей, чьи суровые некрасивые лица выписаны с голландской точностью и чисто голландским пониманием света; на каждом этаже были десятки других портретов, поменьше, – их дети в коридорах, их пращуры в спальнях, множество дорогих им безымянных людей, рассредоточенных повсюду. А еще был портрет десятилетней Мэйв – не такой громоздкий, как картины с голландцами, но ничуть не хуже. Отец ангажировал из Чикаго известного художника, оплатил ему билеты на поезд. Изначально предполагалось, что он напишет портрет мамы, которой, в свою очередь, не сказали, что это займет две недели, – она отказалась позировать, а художник в итоге написал Мэйв. Когда портрет был готов и вставлен в раму, отец повесил его в гостиной напротив Ванхубейков. Мэйв любила повторять, что у них-то она и научилась сверлить людей взглядом.

– Дэнни, – сказал отец, наконец обернувшись, будто ожидал увидеть нас именно там, где мы были. – Поздоровайся с миссис Смит.

Мне всегда будет казаться, что лицо Андреа на мгновение вытянулось, когда она посмотрела на нас с Мэйв. Даже если отец не упоминал о детях, ей наверняка было известно о нашем существовании. Каждый житель Элкинс-Парка был в курсе всего, что происходит в Голландском доме. Возможно, она не думала, что мы спустимся. В конце концов, она рассчитывала на знакомство с домом, а не с детьми. А может быть, Андреа так отреагировала на Мэйв, которая в свои пятнадцать даже в теннисных туфлях была выше, чем Андреа на каблуках. Мэйв начала сутулиться, когда стало ясно, что она перегонит в росте всех своих одноклассниц и большинство одноклассников, и отец неустанно следил за ее осанкой. Можно было подумать, что Спинувыпрями – ее второе имя. Годами он хлопал ее между лопаток тыльной стороной ладони всякий раз, когда проходил мимо, и, хотя это было непреднамеренное последствие, Мэйв теперь держалась как солдат при дворе королевы, а то и как сама королева. Даже мне было очевидно, как угрожающе она могла выглядеть: высокая, с сияющей гривой черных волос. И этот ее взгляд, когда она смотрит на тебя, скосив глаза книзу, не опуская подбородка. Но я в свои восемь лет был по-прежнему гораздо ниже женщины, на которой впоследствии женится наш отец. Я пожал ее аккуратную руку и представился, затем то же сделала Мэйв. Хотя все запомнят, что Мэйв и Андреа с самого начала были на ножах, это не так. В их первую встречу Мэйв была доброжелательной и учтивой – и оставалась доброжелательной и учтивой, пока это не стало невозможным.

– Как поживаете? – спросила Мэйв, и Андреа ответила:

– Великолепно.

Удивительно точное слово. Иначе и быть не могло. Она годами стремилась попасть сюда: под руку с нашим отцом подняться по широким каменным ступеням, пройтись по красной плитке террасы. Андреа была первой женщиной, которую отец привел домой с тех пор, как ушла мама, хотя Мэйв говорила, у него были шашни с нашей няней, молодой ирландкой по имени Фиона.

– Думаешь, он спал с Флаффи? – спросил я. Мы называли ее Флаффи – Пушистиком то есть, – когда были помладше: отчасти из-за того, что мне не удавалось нормально выговорить «Фиона», отчасти из-за облака рыжих волос, мягкими волнами спускавшихся по ее спине. Об

этой интрижке, как и большинство других секретов, я узнал много лет спустя, сидя в принадлежащей сестре машине, припаркованной у Голландского дома.

– Если нет, значит, ей приспичило прибраться у него в комнате посреди ночи, – сказала Мэйв.

Папа и Флаффи *in flagrante delicto*[1]. Я покачал головой: «Не могу себе представить».

– Ты и *пытаться* не должен. Господи, Дэнни, что за грязь! И потом, ты же практически младенцем был. Удивительно, что ты вообще ее помнишь.

Но я помнил. Когда мне было четыре, Флаффи треснула меня деревянной ложкой. Рядом с левым глазом у меня так и остался почти незаметный шрам в виде маленькой клюшки для гольфа – «пушистая метка», как называла его Мэйв. Флаффи божилась, что готовила яблочное пюре, а я просто испугал ее, внезапно схватив за юбку. Она сказала, что пыталась отогнать меня от плиты и уж точно не собиралась бить, хотя, по-моему, случайно ударить ребенка ложкой по лицу не так-то просто. Эта история представляет интерес лишь потому, что это мое первое отчетливое воспоминание – о конкретном человеке, о Голландском доме, о собственной жизни. Маму я совершенно не помню, зато помню ложку Флаффи, прилетевшую мне в голову. Помню, когда я завопил, Мэйв внеслась в кухню из холла – так олень перемахивает через живую изгородь на заднем дворе. Она набросилась на Флаффи, повалила ее на плиту; заплясали голубые огоньки, кастрюля с кипящим яблочным пюре опрокинулась на пол, и нас всех обдало горячими брызгами. Мэйв перевязали руку, меня отвезли к врачу, он наложил шесть швов; Флаффи уволили – несмотря на все ее причитания, извинения и заверения, что все это нелепая случайность. Она не хотела уходить. По словам сестры, это и были предыдущие отношения нашего отца, а уж она-то наверняка знала, потому что если мне было четыре года, когда я получил этот шрам, то ей, получается, одиннадцать.

К слову, отец Флаффи когда-то работал у Ванхубейков шофером, а мать – кухаркой. Флаффи провела детство в Голландском доме – или в квартирке над гаражом, так что мне остается лишь гадать, куда она направилась, когда ей указали на дверь.

Из всех нас только Флаффи лично знала Ванхубейков. Даже отец ни разу их не видел, хотя мы сидели на их стульях, спали в их постелях и ели из их делфтского сервиза. Ванхубейки не были ключевыми героями истории, но в некотором смысле историей был этот дом, когда-то принадлежавший им. Они сделали состояние на оптовой продаже сигарет – успешном бизнесе, в который мистер Ванхубейк вложился незадолго до начала Первой мировой войны. Солдатам на поле боя давали сигареты для поддержания боевого духа, и эта привычка перекочевала с ними домой, ознаменовав десятилетие процветания. Ванхубейки, с каждым часом все богаче, заказали проект дома, который планировали построить на территории тогдашних фермерских угодий Филадельфии.

Ошеломляющий успех дома стоило бы приписать архитектору, но годы спустя, когда я решил изучить вопрос, мне не удалось найти других примеров его работ. Возможно, один из этих суровых Ванхубейков, а то и оба они были в некотором роде визионерами, или сама эта земля вдохновила чудо, какого они себе и представить не могли, или же Америка после Первой мировой войны кишела ремесленниками, работавшими по стандартам, которые сегодня позабыты. Как бы то ни было, дом, который им в итоге достался, – дом, который впоследствии достался нам, – был уникальным сочетанием таланта и удачи. Мне трудно объяснить, почему трехэтажный дом выглядел как нечто занимающее ровно столько места, сколько необходимо, но именно так он и выглядел. Ну или, возможно, лучше сказать, что эта громадина была результатом расточительной и нелепой траты ресурсов, но нам никогда не хотелось ничего здесь изменить. Голландский дом, как его прозвали в Элкинс-Парке, Дженкинтауне, Гленсайде и даже в Филадельфии, был известен благодаря не столько архитектуре, сколько своим оби-

[1] На месте преступления *(лат.)*.

тателям, всем этим голландцам с непроизносимыми именами. Если вы смотрели на него с определенного расстояния, он, казалось, парил в нескольких дюймах над холмом, на котором стоял. Панели из стекла, окружавшие стеклянные же двери, были размером с витрину магазина и скреплялись коваными железными лозами. Окна одновременно пропускали солнечный свет и отбрасывали его на широкую лужайку. Может быть, это была неоклассика, хотя в простоте линий было скорее что-то средиземноморское или французское, и, при том что голландским этот дом уж точно не был, голубые делфтские каминные панели в гостиной, библиотеке и главной спальне, по слухам, были тайно вынесены из замка в Утрехте и проданы Ванхубейкам, чтобы покрыть карточные долги принца. Строительные и отделочные работы – вплоть до каминных полок – завершились в 1922 году.

– Они прожили семь славных лет до того, как банкиры начали выбрасываться из окон, – сказала Мэйв, определяя нашим предшественникам место в истории.

Собственно, о том, что эта недвижимость ранее выставлялась на продажу, я узнал в тот самый день, когда появилась Андреа. Она прошла за отцом через холл и принялась изучать лужайку перед домом.

– Столько стекла, – сказала она, будто прикидывая, можно ли заменить стекло стенами. – Тебя не смущает, что кто угодно может заглянуть?

Но в Голландский дом можно было не только заглянуть – сквозь него можно было смотреть. Ровно посередине он сужался, обширный холл вел прямиком к месту, которое мы называли обсерваторией, с окнами во всю стену, выходившими на задний двор. Стоя на подъездной аллее, можно было пробежаться взглядом по парадным ступеням, пересечь террасу, заглянуть сквозь парадные двери, проскользнуть по мраморному полу из холла в обсерваторию и увидеть сирень, рассеянно колышущуюся в саду позади дома.

Отец посмотрел на потолок, потом на дверной проем, как будто сам впервые об этом подумал. «От дороги здесь довольно далеко», – сказал он. Тем майским вечером стена лип, тянувшаяся вдоль границы участка, была густо покрыта листвой; склон зеленой лужайки, которую за лето я успевал хорошенько измять своей щенячьей возней, был крутым и широким.

– А когда стемнеет? – в голосе Андреа появилось беспокойство. – Можно же хоть какие-то шторы повесить.

Шторы, перегораживающие вид: не только невероятная, но и самая глупая идея из всех, что я слышал; так мне тогда казалось.

– Вы видели нас ночью? – спросила Мэйв.

– Не забывай, что земля, когда они ее купили, простиралась больше чем на восемьдесят гектаров, – сказал отец, проигнорировав Мэйв. – Территория тянулась до самого Мелроуз-Парка.

– Но почему они вообще все это продали? – Андреа внезапно поняла, как выглядел бы Голландский дом, если бы вокруг не было других построек. Линия обзора должна была проходить далеко за склоном лужайки, за клумбами с пионами и розами. Взгляд мог блуждать по широкой долине, спускаться к лесу, так что, даже если бы Ванхубейки или кто-то из их гостей выглянули ночью из окна бального зала, единственным светом, который они увидели бы, был бы свет звезд. Не было ни улицы, ни района, хотя теперь и улица, и дом Буксбаумов через дорогу прекрасно просматривались зимой, когда с деревьев опадали листья.

– Деньги, – сказала Мэйв.

– Деньги, – кивнул отец. Не так уж это было и сложно. Даже я в мои восемь был способен смекнуть, что к чему.

– Они были не правы, – сказала Андреа и поджала губы. – Подумай, как здесь должно было быть красиво. Я считаю, им стоило проявить побольше уважения. Этот дом – произведение искусства.

Тут уж я расхохотался, потому что понял слова Андреа буквально – мол, Ванхубейки продали землю, не спросив ее. Отец, рассердившись, велел Мэйв отвести меня наверх – можно подумать, я забыл дорогу.

Сигареты фабричного производства, рядами уложенные в картонные коробки, были роскошью, предназначенной для богатых, как и гектары, по которым никогда не гуляли люди, ими владевшие. Землю отстригали от дома по клочку. Упадок поместья стал достоянием общественности, история была зафиксирована в свидетельствах о собственности. Участки продавались в уплату долгов – сперва десять гектаров, потом пятьдесят, потом еще двадцать восемь. Элкинс-Парк подбирался все ближе и ближе к входной двери. Таким образом семья Ванхубейк выжила в депрессию – и все ради того, чтобы в 1940-м мистер Ванхубейк скончался от пневмонии. Младший сын умер в детстве, а двое старших погибли на войне. Миссис Ванхубейк скончалась в 1945 году, когда не осталось ничего, что можно было бы продать, кроме заднего дворика. Дом и все, что в нем находилось, вернулись в банк; прах к праху.

Флаффи оставили по инициативе пенсильванского филиала Ссудосберегательной ассоциации – ей назначили небольшое жалованье, чтобы она ухаживала за участком. Ее родители то ли умерли, то ли нашли другую работу. Как бы то ни было, она жила над гаражом одна и каждый день проверяла состояние дома, чтобы убедиться, что крыша не протекает и нигде не прорвало трубу. С помощью газонокосилки она выстригла дорожку от гаража к парадным дверям, а остальной газон запустила. Она собирала фрукты с деревьев, оставшихся позади дома, делала яблочное повидло и консервировала персики на зиму. К тому времени, как наш отец купил это место в 1946 году, еноты захватили бальный зал и сгрызли проводку. Флаффи заходила в дом лишь тогда, когда солнце стояло прямо над головой, в тот самый час, когда все ночные звери крепко спали, сбившись в кучу. Чудо, что все это просто не сгорело дотла. Енотов в конце концов отловили и ликвидировали, но от них остались блохи, пробравшиеся во все щели. Мэйв рассказывала, что ее первые воспоминания о жизни в доме связаны с зудом и тем, как Флаффи прижигала каждый укус ватной палочкой, смоченной в каламиновом лосьоне. Наши родители наняли Флаффи приглядывать за Мэйв.

* * *

Когда мы с Мэйв впервые припарковались на Ванхубейк-стрит (*Ван-ху-бейк* жители Элкинс-Парка неизменно произносили как *Ван-хо-бик*), я как раз приехал на свои первые весенние каникулы из Чоута. От весны, впрочем, было одно название: на земле лежал толстый слой снега – первоапрельская шутка суровой зимы. За половину семестра, проведенную в школе-интернате, я усвоил, что настоящая весна – это когда родители берут тебя с собой в круиз на Бермуды.

– Ты чего? – спросил я Мэйв, когда она остановилась перед домом Буксбаумов, через дорогу от Голландского дома.

– Хочу кое-что посмотреть. – Мэйв нагнулась и вдавила кнопку прикуривателя.

– Нечего тут смотреть, – сказал я. – Поехали отсюда.

Настроение у меня было хуже некуда – из-за погоды, из-за несоответствия, как мне казалось, того, что я имел, тому, что я заслуживал, и все равно здорово было вернуться в Элкинс-Парк, оказаться рядом с сестрой, в ее машине – старом синем олдсмобиле нашего детства, который отец отдал ей, когда она сняла квартиру. Поскольку мне было пятнадцать и в целом я был идиотом, мне казалось, что охватившее меня чувство дома связано с этой машиной и тем, где она припаркована, а не с сестрой, хотя благодарить стоило именно – и только – ее.

– Куда-то торопишься? – Она вытряхнула из пачки сигарету и положила руку на прикуриватель. Если вовремя его не поймать, он выскочит и прожжет дыру в сиденье, или в коврике, или в чьей-нибудь ноге – в зависимости от того, где приземлится.

– Ты приезжаешь сюда, пока я в интернате?

Щелк. Поймала, прикурила.

– Нет.

– И все же мы здесь, – сказал я. Снег падал обильно и мягко, остатки дневного света терялись за облаками. В душе Мэйв была исландским дальнобойщиком – никакая погода ей не помеха, – но я был только с поезда, я устал и замерз. Мне хотелось горячих бутербродов с сыром и полежать в ванне. В Чоуте о ванне было лучше не заикаться, а то засмеют, хотя я никогда этого не понимал. Видимо, настоящие мужики принимают душ.

Мэйв набрала полные легкие дыма, выдохнула и заглушила мотор.

– Пару раз думала доехать сюда, но без тебя не стала.

Улыбнулась и опустила стекло – ровно настолько, чтобы салон пронизало арктическим холодом. Перед тем как уехать в школу, я вечно донимал ее, чтобы она бросила курить, а потом не удосужился сказать, что сам начал. В Чоуте сигареты были вместо ванны.

Я вытянул шею, посмотрел на подъездную дорожку.

– Видишь их?

Мэйв выглянула из окна с водительской стороны.

– Почему-то не могу перестать думать о том, как она в первый раз сюда заявилась. Ты-то помнишь?

Еще бы я не помнил. Разве можно забыть пришествие Андреа?

– Она еще несла какую-то ересь – мол, люди же смотрят, ночью с улицы все видно.

Едва Мэйв это произнесла, как холл заполнил теплый золотистый свет люстры. Через некоторое время зажглись огни над лестницей, еще немного погодя – в хозяйской спальне на втором этаже. Включение подсветки Голландского дома до такой степени совпало со словами Мэйв, что у меня чуть сердце не остановилось. Ну конечно, она приезжала сюда без меня. Она знала, что Андреа включала свет в ту самую минуту, когда заходило солнце. Отрицать это было чуточку театрально со стороны моей сестры, но я оценил ее усилия, когда позже их осознал. Зрелище было охренительное.

– Посмотри, – прошептал я.

Липы стояли голые, тихо падал снег. Конечно, все было видно, все просматривалось – не с идеальной четкостью, но память дорисовывала картинку: прямо под люстрой стоял круглый стол, где по вечерам Сэнди оставляла отцовскую почту, чуть поодаль – напольные часы, которые я должен был заводить каждое воскресенье после мессы, чтобы кораблик под цифрой 6 продолжал тихонько покачиваться между двумя рядами синих волн. Ни кораблика, ни волн я не видел; я знал о них. У стены стоял приставной столик в форме полумесяца, а еще кобальтовая ваза с изображением девочки с собакой, два французских кресла, на которые никто никогда не садился, и огромное зеркало – его рама всегда напоминала мне изогнутые щупальца золотого осьминога. Андреа прошла через холл, будто ей подали реплику на выход. Лицо мы разглядеть не могли, но я узнал походку. Норма вихрем слетела по ступенькам и резко замерла в самом низу, потому что мать велела ей не бегать. Она подросла, хотя, возможно, это была не Норма, а Брайт.

– Наверняка она подглядывала за нами, – сказала Мэйв. – Еще до того, как пришла сюда в первый раз.

– Ну или вообще все на нас смотрели, каждый, кто проезжал по улице зимой. – Я потянулся к сумочке Мэйв, вытащил сигареты.

– Звучит слегка тщеславно, – сказала она. – *Вообще* все.

– Нас этому в Чоуте учат.

Она рассмеялась, очевидно, сама того не ожидая, чем ужасно меня порадовала.

– Целых пять дней дома вместе с тобой, – сказала она, выдувая дым в открытое окно. – Лучшие пять дней в году.

Глава 2

ПОСЛЕ СВОЕГО ПЕРВОГО ПОЯВЛЕНИЯ в Голландском доме Андреа распространилась, словно вирус. Стоило нам решить, что мы видели ее в последний раз – само ее имя могло не произноситься месяцами, – как она вновь возникала за обеденным столом, присмиревшая за время отсутствия, но постепенно вновь набирающая силу. Хорошенько разогревшись, Андреа говорила исключительно о доме. О каких-нибудь особенностях лепнины или о точной высоте потолка, как будто само наличие потолка было для нас в новинку. «Это называется ионик», – говорила она мне, указывая наверх. Достигнув предела возможностей нашего терпения, она исчезала вновь, и нас с Мэйв (да и отца, как мы полагали) омывало волной восхитительной тишины.

В то воскресенье мы вернулись домой после мессы и обнаружили ее в саду – Андреа сидела на одном из белых металлических стульев у бассейна; или это Мэйв ее увидела. Да, Мэйв шла через библиотеку и случайно увидела ее в окно. Она не стала звать отца, как поступил бы я, а, пройдя через кухню, вышла прямиком во двор.

– Миссис Смит? – сказала Мэйв, прикрывая глаза рукой. До тех пор пока они не поженились, мы называли ее «миссис Смит», поскольку нам и не предлагали называть ее как-то иначе. Полагаю, после свадьбы она предпочла бы слышать от нас «миссис Конрой», но это бы взвинтило неловкость до предела, учитывая, что Конрой – и наша с Мэйв фамилия.

Мэйв сказала, что Андреа вздрогнула – возможно, она успела задремать.

– Где твой отец?

– В доме. – Мэйв посмотрела через плечо. – Он вас ждет?

– Это я жду его битый час, – поправила Андреа.

Поскольку было воскресенье, ни Сэнди, ни Джослин не было. Не думаю, что они впустили бы ее в наше отсутствие, хотя на все сто не уверен. Из них двоих Сэнди была помягче, Джослин – поподозрительней. Им не нравилась Андреа, и, вероятно, они бы вынудили ее ждать нашего возвращения снаружи. Было свежо – славный денек, чтобы посидеть у бассейна; солнечный свет плясал на голубой воде, тонкие прожилки мха пробивались меж каменных плит. Мэйв сказала ей, что мы были в церкви.

После чего они уставились друг на дружку, не отводя глаз.

– Я, знаешь, наполовину голландка, – сказала наконец Андреа.

– Простите?

– По матери. Она была чистокровной голландкой.

– Мы ирландцы, – сказала Мэйв.

Андреа кивнула, будто обозначая конец некой пикировки, завершившейся в ее пользу. Когда стало очевидно, что разговор окончен, Мэйв вернулась в дом и сказала отцу, что у бассейна ждет миссис Смит.

– Где она, черт ее дери, припарковалась? – сказала Мэйв, когда отец вышел из комнаты. В те дни моя сестра старалась избегать подобных выражений, особенно после мессы. – Она же вечно прямо у дома паркуется.

И мы отправились на поиски машины: проверили за домом, потом за гаражом. Не обнаружив ее ни в одном из очевидных мест, прошли по подъездной дорожке – гравий хрустел под нашими воскресными туфлями – и оказались посреди улицы. Мы понятия не имели, где живет Андреа, но точно знали, что она не наша соседка, так что вряд ли она просто оказалась рядом и решила зайти. Наконец мы нашли ее кремового цвета импалу, припаркованную в квартале от нас; левая сторона переднего бампера была всмятку. Мэйв присела, чтобы оценить повреждения, а я даже осмелился притронуться к свисающему крылу, поразившись, что фара при этом уцелела. Андреа определенно во что-то въехала и не хотела, чтобы мы знали.

Мы не рассказали отцу про машину. Он ведь нам тоже ничего не рассказывал. Никогда не говорил об Андреа – ни когда она уходила, ни когда возвращалась. Он не упоминал, отводит ли ей какую-то роль в нашем общем будущем. Когда она была с нами, он вел себя, будто так было всегда. Когда она исчезала, нам и в голову не приходило напомнить о ней – мы боялись, что он снова ее позовет. По правде сказать, не думаю, что Андреа как-то особенно его интересовала. Мне кажется, он просто был неспособен противостоять ее назойливости. Его тактика, видимо, состояла в том, чтобы игнорировать ее, пока она окончательно не исчезнет. «А уж этому не бывать», – сказала мне Мэйв.

Единственное, что по-настоящему заботило отца, – его работа: дома, которые он строил, которыми владел, которые сдавал внаем. Он редко что-нибудь продавал, предпочитая использовать свою недвижимость в качестве залога для покупки новых объектов. Если они договаривались о встрече с банкиром, тот приходил, и отец заставлял его ждать. Миссис Кеннеди, отцовская секретарша, предлагала банкиру кофе и заверяла, что ожидание не затянется, хотя это не всегда соответствовало действительности. Банкиру ничего не оставалось, кроме как сидеть в крошечной приемной моего отца, держа шляпу в руках.

Даже то малое количество времени, которое отец мог и был готов уделить мне в конце недели, он встраивал в свой рабочий график. В первую субботу каждого месяца он сажал меня в свой бьюик и мы отправлялись собирать арендную плату; мне он вручал карандаш и гроссбух, чтобы я записывал, сколько заплатили арендаторы, напротив суммы, которую они были должны. Очень скоро я научился определять, кого не окажется дома, а кто будет ждать нас с конвертом прямо у входной двери. Я знал, кто начнет жаловаться – на протекший сливной бачок, на засорившийся унитаз, на сдохший выключатель. У некоторых каждый месяц что-нибудь случалось, и они не расставались со своими деньгами, пока проблема не была решена. Отец, слегка прихрамывая – на войне ему перебило колено, – шел к багажнику и выуживал оттуда все, что может понадобиться для починки. В детстве багажник представлялся мне этаким сказочным сундуком: плоскогубцы, хомутики, молотки, отвертки, герметик, гвозди – чего там только не было! Теперь-то я знаю, что починка, о которой вас просят субботним утром, чаще всего дело несложное, и отец любил выполнять эту работу сам. Он был богат, но хотел, чтобы люди видели – он по-прежнему знает, как все устроено. Или, возможно, это был спектакль для меня, и ему не нужно было колесить по округе, собирая ренту, как не нужно было затаскивать свою увечную ногу на лестницу, чтобы посмотреть, где там расшаталась черепица. Для этого у него был отдел техобслуживания. Возможно, именно ради меня он закатывал рукава и снимал крышку с плиты, чтобы проверить нагревательный элемент, пока я стоял в стороне, дивясь тому, сколько же всего он умеет. Он говорил, чтобы я все запоминал, ведь однажды дело перейдет ко мне. И я должен быть хорошо подкован.

– Единственная возможность узнать подлинную ценность денег – пожить в нищете, – сказал он, пока мы обедали в его машине. – Что свидетельствует не в твою пользу. Живет мальчик в достатке, ни в чем не испытывает нужды, не знает голода. – Он покачал головой, как будто это был мой, притом неверный, выбор. – Какой-то непреодолимый барьер. Можно сколько угодно смотреть на этих людей, видеть, каково это – быть в их ситуации, но это не то же самое, что жить в подобных условиях самому. – Он отложил сэндвич и отхлебнул кофе из термоса.

– Да, сэр, – сказал я. Ну а что еще я мог сказать?

– Самая большая ложь о бизнесе заключена во мнении, будто для того, чтобы делать деньги, изначально нужны деньги. Запомни вот что. Нужно быть сообразительным, иметь свой план и держать нос по ветру. Все это не стоит ни гроша. – В том, чтобы давать советы, отец был не силен, и этот монолог, похоже, здорово его вымотал. Договорив, он вытащил из кармана носовой платок и промокнул лоб.

Когда я бываю в лиричном настроении, то оглядываюсь на этот момент и говорю себе, что именно здесь кроется причина того, как все в итоге сложилось. Отец пытался поделиться со мной опытом.

Ему всегда было проще общаться с арендаторами, чем с теми, кто окружал его в офисе или дома. Арендатор обычно пускался в рассуждения о том, почему Филадельфии никогда не сравниться с Бруклином, или начинал с объяснения, почему в конверте недостаточно денег, и уже по одной отцовской позе, по тому, как он кивал в ответ, мне было понятно, что он внимательно слушает. Люди, которые не могли внести арендную плату целиком, никогда не жаловались, например, на слипшиеся от краски оконные створки. Они лишь хотели объяснить, по какой причине денег не хватает, и заверить, что в следующем месяце этого не повторится. Отец никогда не отчитывал жильцов и не угрожал им. Он только слушал, а затем просил их стараться получше. Но спустя месяца три подобных разговоров, когда мы возвращались в следующий раз, в квартире уже жила другая семья. Мне ни разу не довелось узнать, что случилось с теми или иными несчастливцами, – так или иначе, это никогда не совпадало с первой субботой месяца.

День продолжался, отец все больше курил. Я сидел рядом на широком автомобильном диване, просматривал записи в гроссбухе, поглядывал на мелькавшие за окном деревья. Я знал: если он курит, значит, о чем-то задумался и мне лучше вести себя потише. Чем ближе была Филадельфия, тем хуже выглядели жилые районы. Самых бедных арендаторов он оставлял напоследок, как бы предоставляя им дополнительные часы для сбора недостающих средств. Во время этих последних остановок я бы куда охотнее ждал в машине, слушал бы радио, но мне было слишком хорошо известно, что мою просьбу остаться и его отказ лучше сразу опустить. Жильцы в Маунт-Эйри и Дженкинтауне всегда были добры ко мне, расспрашивали о школе и баскетболе, предлагали конфеты, которые мне было запрещено принимать. «С каждым днем все больше похож на отца, – говорили они. – Скоро его догонишь». Однако в бедных районах дело обстояло иначе. Не то чтобы жильцы не были радушны, но в них ощущалась нервозность, даже если они располагали необходимой суммой, – возможно, они вспоминали о том, как обстояли дела месяц назад, или гадали, как пойдут дела в следующем. Они были почтительны не только с отцом, но и со мной, отчего мне хотелось сквозь землю провалиться. Мужчины старше моего отца называли меня «мистер Конрой» – а мне было лет десять, – как будто сходство, которое они видели между нами, было не только физическим. Возможно, они видели ситуацию в том же свете, в каком ее видел мой отец, – однажды я займу его место, так что какой смысл называть меня Дэнни. Поднимаясь по ступенькам к входной двери, я отколупывал с перил кусочки краски и перешагивал прохудившиеся доски. Неприкрытые двери раскачивались на петлях, в проемах не было москитных сеток. В одних прихожих стояла тропическая жара, в других – затхлая духота. Это наводило меня на мысль о том, какая это, вообще говоря, роскошь – трепаться о разболтавшейся шайбе смесителя, не упоминая в разговоре со мной, что этот дом тоже принадлежит моему отцу и что вполне в его власти открыть багажник и сделать жизнь этих людей лучше. Он стучал в одну дверь за другой, и мы выслушивали рассказы живших там людей: муж остался без работы, муж ушел, жена бросила, ребенок болен. Как-то раз один из жильцов сказал, что не может оплатить аренду, потому что его сыну до того плохо, что ему самому приходится сидеть дома и присматривать за мальчиком. Мужчина и мальчик были одни в темной квартире – полагаю, совершенно одни. Когда отец услышал достаточно, он прошел к дивану, стоявшему в гостиной, и взял пылающего жаром ребенка на руки. Я тогда понятия не имел, как выглядят мертвецы, а у мальчика свесилась рука, его голова откинулась на отцовское плечо. Это вселило в меня страх Божий. Если бы не его тяжелое хриплое дыхание, я бы решил, что мы приехали слишком поздно. Ментоловый душок страданий висел в тяжелом воздухе квартиры. Мальчику было лет пять или шесть, совсем еще малыш. Мой отец спустился с крыльца и уложил его на заднем сиденье бьюика; отец мальчика шел следом, заве-

ряя, что все эти хлопоты ни к чему. «Не стоит, правда, – повторял он. – Он поправится». Тем не менее он сел в машину рядом с сыном и поехал в больницу. До этого я ни разу не сидел на переднем пассажирском месте, чтобы взрослый при этом ехал сзади. Мне оставалось лишь гадать, что сказали бы монахини, если бы увидели эту картину. Доехав до больницы, отец обо всем договорился с дежурной сестрой, после чего мы отправились домой – в темноте, ни словом не обмолвившись о произошедшем.

– Чего это он вдруг? – спросила меня Мэйв после ужина, когда мы поднялись в ее спальню. Отец никогда не брал ее с собой собирать ренту, несмотря на то что она была на семь лет старше меня, год за годом выигрывала школьные олимпиады по математике и уж точно гораздо лучше управилась бы с гроссбухом. Первую субботу каждого месяца, после того как нам разрешали выйти из-за стола, а отец уходил с газетой и стаканом в библиотеку, Мэйв затаскивала меня к себе в комнату и закрывала дверь. Я должен был припомнить все события дня, не опустив ни единой детали: что было в каждой квартире, о чем говорили жильцы, что отвечал им отец. Ей было интересно даже, какие сэндвичи мы покупали на обед, хотя каждый раз это была одна и та же забегаловка.

– Ну, мальчику было очень плохо. Когда папа укладывал его в машину, он даже глаза не открыл, – едва мы добрались до госпиталя, отец велел мне сходить в уборную и вымыть руки с мылом под горячей водой, хотя я не прикасался к ребенку.

Мэйв задумалась.

– Что?

– Сам посуди. Он терпеть не может больных. Он хотя бы раз заглядывал к тебе в комнату, когда ты болел? – Она растянулась на кровати рядом со мной, взбила подушку. – Если собираешься залезть с ногами, то сними хотя бы свои изгвазданные ботинки.

Я скинул обувь. Присаживался ли он на краешек моей кровати, клал ли руку мне на лоб? Приносил имбирный чай, спрашивал, не сильно ли меня тошнит? Все это делала Мэйв. Если она была в школе, это делали Сэнди и Джослин. «Он ни разу ко мне не заглядывал».

– И с чего бы тогда ему возиться с мальчиком, когда рядом был его отец?

По сравнению с Мэйв я был тугодумом, но в этом случае ответ был очевиден: «Потому что там не было его мамы». Будь в квартире женщина, он бы ни за что в это не ввязался.

Женское присутствие было мерилом благополучия, а это значило, я был более благополучен, чем Мэйв. С тех пор как ушла мама, Мэйв без конца возилась со мной, но никто не возился с ней. Сэнди и Джослин присматривали за нами, это да. Они заботились о том, чтобы мы были чистыми и сытыми, чтобы у нас были с собой школьные обеды и наши скаутские взносы были уплачены. Они любили нас, я знаю, но в конце каждого дня они уходили домой. Я не мог, если мне приснился кошмар, залезть под одеяло к Сэнди или Джослин, а постучаться к отцу мне даже в голову не приходило. Я шел к Мэйв. Она научила меня обращаться с вилкой. Она приходила на мои баскетбольные матчи, знала всех моих друзей, проверяла мои домашние задания, каждое утро целовала меня перед школой и каждый вечер перед сном, вне зависимости от того, хотелось мне этого или нет. Она непрестанно, неустанно говорила, какой я добрый, умный и ловкий и что я смогу стать настолько классным парнем, насколько сам захочу. Ей все это так здорово давалось, при этом никто не делал того же для нее.

– Обо мне заботилась мама, – сказала она, удивившись, что мне вообще могло такое в голову прийти. – Малыш, из нас двоих везунчик – я. В отличие от тебя я провела с ней много лет. Я и представить не могу, как сильно ты, наверное, по ней скучаешь.

Но как я мог скучать по той, которую совсем не знал? Мне в то время было три года, и если даже я понимал, что происходит, теперь напрочь забыл. Это Сэнди мне все рассказала, хотя что-то, разумеется, я узнал от сестры. Когда мама начала пропадать из дома, Мэйв было десять. Однажды утром она выбралась из постели, раздвинула шторы, чтобы посмотреть, не выпал ли за ночь снег. Каждую зиму Голландский дом промерзал. В комнате Мэйв был камин,

и Сэнди неизменно подкладывала сухие поленья на решетку, под которой лежала куча смятых газет, так что по утрам Мэйв оставалось лишь чиркнуть спичкой – ей разрешали это делать с восьми лет. («На восьмой день рождения мама подарила мне коробок спичек, – однажды рассказала она. – Когда ей самой исполнилось восемь, она тоже получила в подарок коробок спичек от своей мамы, которая все утро учила ее их зажигать. И вот мама показала мне, как разводить огонь, а вечером того же дня разрешила самой зажечь свечи на деньрожденном торте».) Мэйв разожгла камин, надела халат, влезла в тапочки и пошла в соседнюю комнату проведать меня. Мне было три года, я спал. В этой истории я никак не участвовал.

Затем она прошла по коридору к родительской комнате и никого там не обнаружила; кровать была застелена. Мэйв вернулась к себе в комнату и собралась в школу. Почистила зубы, умылась и была уже почти одета, когда Флаффи пришла, чтобы ее разбудить.

– Каждое утро ты меня опережаешь, – сказала Флаффи.

– Значит, буди меня пораньше, – сказала Мэйв.

Флаффи ответила, что это ни к чему.

Мамино отсутствие было необычным, но случилось это не впервые. Ни Сэнди, ни Джослин, ни Флаффи не казались встревоженными. Ну а раз они спокойны, причин для беспокойства нет. Обычно Мэйв в школу отвозила мама, но в то утро с ней поехала Флаффи, обед ей упаковала Джослин. Из школы в тот день ее тоже забрала Флаффи. Когда Мэйв спросила, где мама, Флаффи пожала плечами: «С папой, наверное».

Мама не вернулась к ужину, и, когда пришел отец, Мэйв спросила его, где мама. Он сгреб ее в охапку и поцеловал в шею. В те дни подобное все еще было в порядке вещей. Он сказал, что мама уехала в Филадельфию навестить друзей.

– И не попрощалась?

– Она попрощалась со мной, – сказал отец. – Уехала рано утром.

– Я рано проснулась.

– Значит, она проснулась еще раньше и попросила, чтобы я передал тебе, что она вернется через день-другой. Время от времени каждому нужно отдыхать.

– От чего? – спросила Мэйв, имея в виду: *От меня? От нас?*

– От дома. – Он взял ее за руку и повел ужинать. – Это место требует много внимания.

Сколько, интересно, внимания требовал дом, когда всю основную работу делали Джослин, Сэнди и Флаффи, когда рабочие в саду поддерживали лужайку в опрятном виде, сгребали опавшие листья, убирали снег, да и Мэйв изо всех сил старалась помогать.

Мама не вернулась и на следующее утро, в школу и из школы Мэйв снова возила Флаффи. Но когда на второй день они зашли в дом, мама была на кухне, пила чай с Сэнди и Джослин. Я играл на полу с кастрюлями – снимал с них крышки.

– Она выглядела такой уставшей, – сказала мне Мэйв. – Как будто все это время не спала.

Мама поставила чашку и усадила Мэйв к себе на колени. «Радость моя, – сказала она, поцеловав ее в лоб, поцеловав прядку ее волос. – Моя любовь».

Мэйв обвилась руками вокруг маминой шеи, уткнулась головой ей в грудь и вдыхала ее запах, пока мама трепала ей волосы. «Это чья такая девочка? – спросила она у Сэнди и Джослин. – Чья эта красивая, добрая и умная девочка? Что я такого сделала, чем ее заслужила?» Эта история с различными вариациями повторялась еще трижды.

В течение следующих двух месяцев мама снова исчезала – на две ночи, потом на четыре, потом на неделю. Мэйв стала просыпаться по ночам, заглядывать в комнату родителей, чтобы убедиться, что мама по-прежнему там. Бывало, мама не спала, замечала Мэйв за дверью и откидывала одеяло, чтобы та, бесшумно прокравшись через комнату к кровати, припала к теплому изгибу ее тела. Все мысли тут же улетучивались, и она засыпала в маминых объятиях, под мамино сердцебиение, ощущая на себе ее дыхание. Ничто другое в ее жизни не могло с этим сравниться.

– Почему ты ушла, не попрощавшись? – спрашивала ее Мэйв, мама в ответ лишь качала головой.

– Прощаются при расставании. А я никогда-никогда с тобой не расстанусь.

– Она была больна? Ей становилось хуже?

Мэйв кивнула:

– Она превращалась в призрак. Похудела за неделю, потом стала бледнеть, таяла с каждым днем. Мы все будто скукоживались. Когда она возвращалась, плакала дни напролет. После школы я приходила к ней, сидела у нее на кровати. Иногда с ней в постели был ты, играл. Когда папа бывал дома, то постоянно выглядел так, будто пытается поймать ее – типа, знаешь, оставалось только руки расставить. Сэнди, Джослин и Флаффи стали нервными как кошки, но об этом никто не упоминал. Ее отсутствие было невыносимо, когда она возвращалась, тоже было невыносимо, но по-другому – от осознания, что она снова исчезнет.

Когда однажды она действительно снова исчезла, Мэйв спросила отца, когда она вернется. Он посмотрел на нее, очень долго не отводил взгляд. Он не знал, какую часть правды можно открыть десятилетней девочке, и в итоге решил рассказать все как есть. Он ответил, что мама не вернется. Она уехала в Индию и больше не вернется.

Мэйв так и не смогла определиться, что было хуже – что мама уехала или что Индия находится на другой стороне земли. «Нельзя просто так взять и уехать в Индию!»

– Мэйв, – сказал он.

– Может, она еще не уехала! – Она не поверила ему, ни единому его слову, но если у истории есть начало, ее необходимо закончить.

Отец покачал головой и даже не потянулся к ней. Это, пожалуй, самая странная часть всего произошедшего.

Собственно, на этом история о том, как нас бросила мама, и заканчивалась. Должны были последовать вопросы, хоть какие-то объяснения. Если она действительно в Индии, значит, отцу следовало отправиться за ней, вернуть ее домой. Однако ничего этого не произошло, потому что однажды утром Мэйв перестала подниматься с постели. Перестала ходить в школу. Сэнди приносила ей манную кашу на подносе, присаживалась на краешек кровати, пыталась уговорить ее съесть хотя бы две ложечки, но, по ее словам, уговорить Мэйв было не так-то просто. Для всех причина недуга была очевидна: девочка скучает по маме. Так или иначе, все они были объединены этим страданием, поэтому позволили ребенку замкнуться в собственном горе, и никого не настораживал тот факт, что вот она выпила апельсинового сока, затем стакан воды, потом целый чайник ромашкового чая. Она брала чашку с собой в ванную, снова и снова ее наполняла, пока наконец не опускала голову и не прикладывалась к крану. Флаффи приносила меня в комнату Мэйв, укладывала к ней на постель, и Мэйв читала мне перед сном. Затем однажды днем, примерно через неделю после маминого ухода, Мэйв не проснулась. Флаффи трясла ее, трясла, в итоге взяла на руки и снесла по ступенькам вниз к своей машине.

Где были все? Куда запропастились отец, Сэнди, Джослин? Где был я? Сэнди сказала, что не помнит. «Ужасное было время», – она покачала головой. Ей было лишь известно, что Флаффи отвезла Мэйв в больницу, внесла ее в приемный покой, где медсестры приняли спящего ребенка. Мэйв пробыла в больнице две недели. Врачи сказали, диабет мог развиться в результате потрясения или вируса. У тела множество возможностей подавить то, что ему непонятно. В больнице Мэйв то приходила в сознание, то опять впадала в забытье, а врачи пытались стабилизировать уровень сахара. Все случившееся было частью сновидения. Она убедила себя, что маму просто не пускают к ней – что-то вроде наказания им обеим за то, что она, Мэйв, совершила, только не может вспомнить, что именно. Ее приходили навещать сестры милосердия – все мамины подруги. Две девочки из школы Святейшего Сердца вручили ей открытку, подписанную всем классом, но им не разрешили остаться. По вечерам приходил отец, но он почти ничего не рассказывал. Клал руку на лодыжку Мэйв поверх одеяла и все

твердил, что пора выздоравливать, что она всех очень напугала. Джослин, Сэнди и Флаффи по очереди дежурили у ее постели. «Одна из нас с тобой, другая с братом, третья с отцом, – говорила Сэнди. – Обо всех позаботимся». Сэнди говорила, что, когда подступали слезы, ей приходилось дожидаться, пока Мэйв заснет, а уж потом выходить в коридор поплакать.

Когда Мэйв выписали домой, стало только хуже. Все решили, что, раз мамин уход так подорвал ее здоровье, дальнейшие разговоры о маме ее убьют. Голландский дом порос тишиной. Сэнди, Джослин и Флаффи посвятили себя моей сестре, иглам, инсулину. Они были в ужасе от того, как сильно меняет ее каждый укол. Отец и вовсе отстранился. Все кончилось тем, что Флаффи, которая в те дни спала вместе с Мэйв, однажды посреди ночи снова отвезла ее в больницу. Ее снова стабилизировали, снова отправили домой. Мэйв плакала, рыдала, пока отец не заходил к ней в комнату и не просил успокоиться. Все они стали персонажами худшей сказки из возможных. Отец выглядел столетним стариком. «Хватит, – говорил он так, словно его язык не слушался. – Перестань».

И в конце концов она перестала.

Глава 3

КАК-ТО РАЗ СУББОТНИМ ДНЕМ, примерно через два года после того, как начались нерегулярные визиты Андреа, она появилась на пороге дома с двумя маленькими девочками. Думайте про нее что хотите, но в том, чтобы выдавать невероятное за само собой разумеющееся, Андреа была хороша. Я не вполне понимал: это только мы с Мэйв впервые видим ее дочерей или существование Нормы и Брайт Смит стало новостью и для нашего отца. Да нет, наверняка он знал. Тот факт, что он даже не взглянул в их сторону, означал, что они были знакомы. Они были гораздо младше меня. Брайт, совсем еще кроха, напоминала ребенка с рождественской открытки – белокурая, как мать, румянощекая, голубоглазая, с улыбкой, предназначавшейся всем и каждому. Волосы Нормы были темно-русыми, глаза зелеными. Она была совершенно не похожа на свою лучащуюся сестру, хотя бы потому, что была невероятно серьезной. Губы сжаты в узкую полоску. Бдительная старшая сестра.

– Девочки, – сказала Андреа. – Это Дэнни и его сестра Мэйв.

Мы, разумеется, были в шоке, но в глубине души ликовали, уверенные, что, раз объявились девочки, заклятие Андреа наконец спадет. Еще двоих детей в доме наш отец не потерпит, а уж двух девочек тем более. Кто присматривал за ними все те субботние вечера, когда Андреа оставалась на ужин, ни разу не обмолвившись о том, что ей нужно домой? Этому нет прощения. Стоя в дверях и прощаясь с ними после относительно короткого визита, мы думали, что прощаемся навек.

– *Сайонара,* миссис Смит, – сказала Мэйв тем вечером, стоя в ванной и выдавливая зубную пасту на наши щетки. Я вполне мог и сам управиться с тюбиком зубной пасты, но это был ритуал. Мы вместе чистили зубы и молились перед сном.

– *Буэнас ночес*, Брайт и Норма, – сказал я.

Мэйв с секунду глядела на меня, не веря своим ушам, а потом расхохоталась – зашлась тюленьим лаем.

Нам обоим всегда казалось, что мы вот-вот взломаем код нашей жизни, что еще чуть-чуть, и мы наконец проникнем в суть непостижимой тайны, какую являл собой наш отец, однако появление дочерей Андреа мы истолковали неверно. Это было тщательно спланированное представление. Раскрывая правду о том, что сама она еще не полный комплект, Андреа показывала нам, что окончательно пустила корни; а мы каким-то образом это упустили. Вскоре девочки стали частыми гостями: сидели за обеденным столом, стягивали носки, чтобы поболтать ногами в бассейне – плавать они не умели. Нам странно было видеть рядом других детей. В школе у нас с Мэйв были свои друзья, но это мы ходили к ним в гости, делали у них уроки, оставались у них ночевать. Никто никогда не приходил в Голландский дом. Возможно, это было связано с тем, что мы не хотели привлекать внимания к маминому отсутствию или боялись, что из-за дома станем предметом насмешек, но, сказать по правде, думаю, мы просто понимали, что отец не любит детей, отчего появление этой парочки казалось сущей нелепицей.

Как-то вечером девочки появились в сопровождении Андреа, одетой в стильное синее шелковое платье. Брайт то и дело проводила рукой по ее пышной юбке, шелестевшей, как листья на ветру, в то время как Норма развлекалась, стараясь наступать исключительно на маленькие черные квадратики мрамора в холле. Андреа объявила нам четверым, что они с отцом отлучатся на вечер. Не удосужившись предупредить заранее, она решила взвалить девочек на наши с Мэйв плечи.

– И что нам с ними делать? – спросила Мэйв, потому что мы и правда понятия не имели. Это была не наша забота. До этого мы ни разу не оставались с ними наедине.

Андреа лишь отмахнулась от ее вопроса. В те дни она буквально кипела энергией, как будто все уже было решено. Может, и было. «Вам ничего не нужно делать, – сказала она и

широко улыбнулась дочерям. – Вы сами о себе позаботитесь, так ведь? У вас книжки есть? Норма, попроси у Мэйв какую-нибудь книгу».

На прикроватном столике Мэйв лежала стопка книг Генри Джеймса. «Поворот винта»? Ничего не скажешь, идеальное чтение для ребенка. По лестнице сошел отец в своем лучшем костюме, глядя прямо перед собой. Он держался за перила, а значит, у него болело колено, а значит, он был не в духе. Знала ли об этом Андреа? «Нам пора», – сказал он ей, не обронив ни слова в наш адрес – ни «спасибо», ни «доброй ночи». И направился к двери. Полагаю, в тот момент он сам себе был противен.

– Будьте паиньками, – пропела Андреа через плечо и пошла вслед за отцом. Он ее не подождал. Девочки выглядели пришибленными; когда верхушка шляпы их матери скрылась из вида, они разрыдались.

– Иисус, Мария и Иосиф, – сказала Мэйв и отправилась на поиски салфеток. К чести девочек, они не то чтобы прямо выли. На самом деле они старательно сдерживали слезы, но это было выше их сил. Они уселись вдвоем в одно кресло. Брайт уткнулась сестре в грудь, а Норма закрыла лицо руками, как будто они только что получили известие об апокалипсисе. Я спросил, правда ли они хотят почитать, а то можно посмотреть телевизор, поесть мороженого. Они на меня даже не взглянули. Но потом пришла Мэйв, протянула каждой по бумажному платочку и тоном, будто никто и не думал плакать, спросила, не хотят ли они посмотреть дом.

И как это ни удивительно, страдалицы вняли ей. Они намеревались и дальше лить слезы, поскольку все к тому располагало, но всхлипывать стали меньше, чтобы лучше ее слышать.

– Холл – еще не весь дом, – сказала Мэйв. – Это лишь его малая часть. Обратите внимание, что дом просматривается насквозь. Парадный вход, – она указала на дверь, в которую они вошли, затем развернулась в противоположном направлении, к окнам в обсерватории, – и задний двор.

Брайт приподнялась, чтобы взглянуть в обе стороны, и Норма, когда выплакала последние слезы, тоже посмотрела рассеянным взглядом.

– Вы видели столовую и гостиную. – Мэйв повернулась ко мне: – И вроде все, да? На кухне они, по-моему, не были.

– С чего им туда ходить? – Я старался не быть смурным – двух смурных девочек вполне хватало, – но мне на ум приходили сотни дел, которыми я занялся бы с куда большей радостью, чем возиться с детьми Андреа.

Мэйв сходила за фонариком и открыла дверь в подвал. «За поручень не держаться, – сказала она через плечо. – Заноз насажаете. Просто внимательно смотрите под ноги».

– Я не хочу в подвал, – сказала Брайт, вперившись взглядом в темноту лестницы.

– Ну, не ходи, – ответила Мэйв. – Мы скоро вернемся.

– Возьми меня на руки, – попросила Брайт. На это Мэйв даже не ответила.

Норма прошла две ступеньки и остановилась.

– А пауки там есть?

– Разумеется. – Мэйв уже спустилась. Поискала шнурок, тянувшийся от лампочки посреди потолка. Девочки обдумали варианты – вперед или назад – и вскоре последовали за ней, а я замкнул шествие. Девочки были в платьях, белых колготках и лакированных кожаных туфельках. Подвал дома был из других времен. Казалось, он не имеет никакого отношения к зданию наверху. В некоторых местах стены прогнили у основания. Однажды я нашел там наконечник стрелы. Я бы еще покопался, но, по правде сказать, сам недолюбливал подвал.

– Зачем вообще сюда спускаться? – спросила Норма, ужас в ее голосе мешался с любопытством.

– Сейчас покажу. – Мэйв посветила фонариком в дальний угол комнаты, пока луч не поймал маленькую железную дверцу в стене. – Это блок предохранителей. Скажем, в дамской комнате наверху погас свет, и ты знаешь, что дело не в лампочке. Тогда нужно спуститься сюда

и проверить щитки. Иногда, если сменного предохранителя нет, мы просовываем монетки в старые, чтобы они снова заработали. Если в доме падает температура, нужно спуститься сюда и проверить топку, а если нет горячей воды, следует проверить котел. Или, может быть, плита не работает, и тогда, зажигая спичку, нужно действовать очень осторожно. А то вдруг утечка газа. Бум, – сказала она равнодушно.

Честно, я сам впервые об этом слышал.

Мэйв храбро шла впереди, а мы с Нормой и Брайт старались держаться поближе к лучу фонарика. Она открыла деревянную дверь, заскрипевшую так громко, что девочки на секунду прижались ко мне, после чего Мэйв дернула еще за один шнурок, и зажглась еще одна лампочка. «Это маринадная, где хранятся запасы еды – на случай, если кто вдруг проголодается, оказавшись в подвале. Сэнди и Джослин солят огурцы, варят варенье и томатное лечо. Короче, все, что можно положить в банку». Мы посмотрели на полки с безупречно чистыми баночками – к каждой приклеена бирка с датой, все расставлены по цвету: золотистые дольки персиков в густом сиропе, малиновое варенье. На холодном полу стояли ящики со сладким картофелем, яблоками, луком. Раньше я как-то не задумывался о том, что мы богаты, – до этой самой минуты, когда мы вместе с девочками остановились перед всеми этими запасами.

Когда наконец мы были готовы возвращаться наверх, Брайт замерла и показала на коробки, сложенные под лестницей:

– А здесь что?

Мэйв направила луч фонарика на подъеденную плесенью картонную башню.

– Рождественские украшения – гирлянды, всякое такое.

При одном упоминании Рождества лицо Брайт просветлело, и она попросила разрешения открыть коробки. Понятное дело, где гирлянды, там могут быть и подарки и, может быть, даже подарок для нее; но Мэйв сказала, что нельзя.

– Вот на Рождество приедешь и откроешь.

В тот вечер, пока мы чистили зубы, я ни словом не обмолвился с Мэйв, и когда мы помолились, пошел к двери.

– Ну хватит, – сказала она. – Не злись.

Но я злился. И спать лег злым. Экскурсия заняла целый вечер. Она показала им все: комнату дворецкого, где хранилась посуда и сложенные скатерти, чулан в спальне на третьем этаже с ведущей на чердак крошечной дверцей. Она разрешила им покружиться, как бы вальсируя, по бальной зале. Нам никогда не приходило в голову там танцевать. «Кто устраивает бальную залу на третьем этаже?» – спросила Норма.

Мэйв объяснила, что во времена, когда был построен дом, бальная зала на третьем этаже считалась последним писком моды. «Причуда, конечно, – сказала она. – Долго это не продлилось. Но если уж вы обустроили бальную залу на третьем этаже, переместить ее довольно-таки сложно». Мэйв показала им все до единой спальни в доме. Норма и Брайт единодушно решили, что комната Мэйв – самая лучшая; они уселись на ее широченный подоконник, а она задернула шторы. Они завизжали от смеха и закричали: «Нет, не надо!» – когда она снова их раздвинула. Когда экскурсия была окончена, Мэйв принесла из кухни стремянку, чтобы они могли по очереди завести напольные часы, хотя знала, что я уже сделал это в воскресенье утром.

Мэйв присела ко мне на кровать.

– Попробуй представить, как сильно мог ошеломить их этот дом – да и наше с тобой общество, – и показать им все целиком, а не только милые уголки, было, не знаю, дружелюбнее?

– Это было очень дружелюбно, – сказал я не самым дружелюбным голосом.

Мэйв положила руку мне на лоб, как делала, когда я болел.

– Они маленькие, Дэнни. А я сочувствую малышам.

Она уложила их в свою кровать; вернувшись, отец с Андреа перенесли спящих девочек в машину. Мэйв бросилась вдогонку: они забыли туфельки. Андреа, по словам Мэйв, была слегка подшофе.

К длинному списку всего того, за что мою сестру никогда не благодарили, добавим следующее: она была добра к этим девочкам. Если в комнате были отец или Андреа, она мягко игнорировала детей, но, оставшись наедине с Нормой и Брайт, она все время придумывала что-нибудь этакое: учила их вязать крючком, или позволяла им заплести свои волосы, или показывала, как готовить тапиоку. А они ходили за ней по дому, как парочка подобострастных кокер-спаниелей.

То, где мы ужинали в тот или иной вечер, диктовалось сложным набором домашних правил, установленных Сэнди и Джослин. Если отец возвращался с работы вовремя, мы втроем ели в столовой; Сэнди подносила нам тарелки, а мы вдыхали маслянистый запах лимонной полировки для мебели, туманом висевший над массивным столом. Но если отец задерживался или у него были другие планы, мы с Мэйв ели в кухне. В такие вечера Сэнди ставила в холодильник тарелку с едой, прикрытую листом вощеной бумаги, и, вернувшись, отец ел на кухне. Ну, наверное. Хотя, может, он шел с тарелкой в столовую, чтобы посидеть в одиночестве. Когда приезжали Андреа и девочки, мы, конечно же, ели в столовой. Если с нами была Андреа, Сэнди не только накрывала на стол, но и убирала после всего, тогда как если Андреа не было, мы каждый забирали свою тарелку и относили на кухню. Нам никак это не объяснялось, но мы все понимали, так же как понимали, что воскресным вечером мы с Мэйв и отцом соберемся на кухне в шесть часов, чтобы съесть холодный ужин, который Сэнди оставила нам накануне вечером. Андреа и девочки никогда не ужинали с нами по воскресеньям. Одни в целом доме, мы собирались втроем вокруг маленького кухонного стола и чувствовали себя почти семьей, хотя бы потому, что сидели вместе в крошечном помещении. Насколько большим был Голландский дом, настолько до странного маленькой была кухня. Сэнди сказала мне, это из-за того, что изначально предполагалось, что кухней будут пользоваться только слуги, а те, кто занимались строительством больших домов, саму идею предоставить слугам место, где развернуться, видали в районе крысиной жопки (выражение очень в духе Сэнди). В углу стоял маленький пластиковый столик, за которым Джослин лущила горох или раскатывала тесто для пирога, за ним же Сэнди и Джослин обедали и ужинали. Мэйв всегда бережно его протирала, когда мы заканчивали, и расставляла все по своим местам, потому что считала кухню частной территорией Сэнди и Джослин. То небольшое пространство, что там было, в основном занимала огромная газовая плита с девятью конфорками, шкафом для подогрева посуды и двумя большими духовками, в каждой из которых можно было запечь индейку. Остальная часть дома зимой представляла собой полярную шапку вне зависимости от того, сколько Сэнди подбрасывала дров, а вот в маленькой кухне из-за плиты всегда было тепло. Летом, конечно, все было иначе, но даже летом я предпочитал кухню. Дверь, ведущая к бассейну, всегда была распахнута, и рядом стоял вентилятор, разносивший повсюду дразнящие запахи. Я мог плыть на спине в бассейне под слепящим полуденным солнцем и вдыхать запах вишневого пирога, стоявшего у Джослин в духовке.

В воскресенье, на следующий вечер после того, как дочерей Андреа оставили на наше попечение, я внимательно наблюдал за Мэйв, полагая, что с ней явно что-то не так. Я определял уровень сахара в ее крови, как погоду. Я знал, когда она переставала меня слушать и была в полуобморочном состоянии. Я всегда первым видел, если она потела или бледнела. Сэнди и Джослин тоже это подмечали. Они знали, когда налить ей сока или сделать укол, но отца это каждый раз заставало врасплох. Он всегда смотрел как бы поверх ее головы.

Однако в тот раз дело было не в сахаре. И вот за ужином Мэйв выкинула самую умопомрачительную штуку из тех, которым я когда-либо оказывался свидетелем: очень осторожно,

поддевая ложкой картофельный салат, она сказала отцу, что приглядывать за дочерьми Андреа – не наша забота.

С минуту отец просто сидел, дожевывая кусок курятины, который только что отправил в рот.

– У тебя были какие-то другие планы на вечер?

– Домашнее задание, – сказала Мэйв.

– В субботу?

Мэйв была достаточно хороша собой и достаточно популярна, чтобы ни единого субботнего вечера не проводить дома, но, как правило, она никуда не ходила, и впервые в жизни я осознал, что дело было во мне. Они никогда не оставила бы меня в доме одного.

– На этой неделе много задали.

– Однако, – сказал отец, – ты, похоже, справилась. Когда девочки в доме, ты тоже можешь делать домашнюю работу.

– В субботу я не сделала ни одного урока. Я развлекала девочек.

– Но ты же подготовилась, так? И завтра в школе не ударишь в грязь лицом.

– Дело не в этом.

Отец скрестил на тарелке вилку с ножом и посмотрел на нее:

– А в чем тогда дело, не подскажешь?

Мэйв была готова к этому. Она все продумала заранее. Возможно, она думала об этом с тех самых пор, как я взъелся на нее из-за экскурсии.

– Это дети Андреа, вот пускай она о них и заботится, а я здесь ни при чем.

Отец слегка качнул головой в мою сторону:

– За ним-то ты присматриваешь.

Она делала это утром, днем и вечером. Она это имела в виду? Обуза в виде еще двух детей ей не нужна?

– Дэнни мой брат. Эти девочки нам никто. – Все, чему когда-то учил ее отец, она теперь использовала против него: *Мэйв, сядь прямо. Мэйв, если хочешь о чем-то меня спросить, смотри мне в глаза. Мэйв, не теребни волосы. Мэйв, говори четче, не жди, что кто-то будет любезно слушать тебя, если ты не потрудишься подать голос.*

– Ну а если бы они были твоими родственницами, ты бы не возражала? – Он прикурил сигарету за столом, на его тарелке все еще лежала еда – акт агрессивной неучтивости, ничего подобного я раньше не видел.

Мэйв молча смотрела на него. Я с трудом мог поверить в то, что она выдержала его взгляд.

– Но это не так.

Он кивнул.

– Если ты живешь под моей крышей и ешь мою еду, то, полагаю, в состоянии поухаживать за гостями, когда я тебя об этом прошу.

В кухне капало из крана. *Кап, кап, кап.* Невообразимый рокот, эхом отражавшийся от стен, – ровно на это жаловались арендаторы, говоря о собственных кранах. Я видел, как отец починил достаточное количество смесителей, и потому полагал, будто и сам могу справиться. Я подумал: если сейчас встану из-за стола и пойду искать гаечный ключ, они вообще заметят, что меня нет?

– Ты меня не просил, – сказала Мэйв.

Отец уже отодвигался на стуле, но она его опередила. Встала из-за стола, все еще сжимая в кулаке салфетку, и вышла из комнаты, не извинившись.

Отец немного посидел в своем обычном молчании, а потом отложил сигарету на тарелку для хлеба. Вдвоем мы доели ужин, хотя не знаю, как я это выдержал. Потом он пошел в библиотеку смотреть новости, а я убрал со стола, сполоснул и сложил посуду в раковину, чтобы Джослин могла помыть ее утром. Убирать со стола после ужина было обязанностью Мэйв, но

я справился. О десерте отец даже не вспомнил. В холодильнике в небольшой тарелке лежали лимонные батончики, я отрезал себе кусочек, взял апельсин для Мэйв и отнес наверх.

Она была у себя в комнате, сидела на подоконнике, вытянув перед собой свои длинные ноги. У нее на коленях лежала книга, но она не читала – смотрела в сад. Окно выходило на западную сторону, и в последних закатных лучах Мэйв была похожа на картину.

Я протянул ей апельсин, она впилась в него ногтями, очищая от кожуры; подогнула ноги, чтобы я мог сесть напротив нее.

– Это не сулит нам ничего хорошего, Дэнни, – сказала она. – Тебе тоже стоит об этом знать.

Глава 4

ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ СПУСТЯ после того, как Мэйв покинула Элкинс-Парк, чтобы приступить к занятиям на первом курсе в Барнарде, ее вызвали обратно – на свадьбу. Отец и Андреа сочетались законным браком в гостиной под неусыпными взглядами Ванхубейков. Брайт разбрасывала пригоршни розовых лепестков на немыслимо дорогой испанский ковер ручной работы, а Норма, державшая в руках розовую бархатную подушечку с двумя обручальными кольцами, льнула к матери. Мы с Мэйв присоединились к гостям, которых было около тридцати. Именно в тот день мы узнали, что у Андреа есть мать, сестра, зять (продавец страховок) и несколько друзей, которые, пока подавали торт, глазели, запрокинув головы, на потолок в столовой. (Потолок был выкрашен в глубокий, насыщенный оттенок синего и покрыт замысловатыми узорами из золотых резных листьев, – ну то есть позолоченных. Завитки позолоченных листьев, окруженные венками из позолоченных листьев, заключенных в прямоугольники из позолоченных листьев. Такой потолок уместнее смотрелся бы в Версале, чем в доме на востоке Пенсильвании, – ребенком я вечно ощущал, как он гнетуще нависает надо мной. За ужином мы с Мэйв и отцом обычно старались не отрывать взгляда от тарелок.) На входе Сэнди и Джослин в одинаковых черных платьях с белыми воротничками и манжетами, которые Андреа купила специально по этому случаю, подавали шампанское. «Мы похожи на надзирательниц в женской тюрьме», – сказала Джослин, разминая запястья. Каждый раз, когда требовалось открыть шампанское, Мэйв уходила с бутылкой на кухню, – как она не без гордости нам объявила, это было первое, чему ее научили в колледже. Для Сэнди и Джослин бутылка с шампанским была чем-то вроде заряженного пистолета.

Это был сияющий осенний день: свет, казалось, исходит не только от солнца, но и от травы, и от листьев. Все окна в задней части дома обычно были тщательно завешены до самого пола, но по случаю торжества отец не поленился открыть их все до единого, чего при мне еще ни разу не случалось. Получилась дюжина дверей, выходящих через заднюю террасу к бассейну, в котором плавали водяные лилии. Оказывается, водяные лилии можно взять напрокат – кто бы мог подумать. Все только и делали, что восторгались домом, цветами, светом, даже дамой за роялем в обсерватории, но мы с Мэйв, Сэнди и Джослин знали, что все это дешевый театр.

Пожениться в приходе Непорочного Зачатия или попросить отца Брюэра обвенчать их на дому отец и Андреа не могли, потому что один был в разводе, а другая не была католичкой, отчего складывалось ощущение, что все это происходит невзаправду. Церемонию проводил судья, которого никто из нас не знал, – отец заплатил, чтобы тот пришел в дом и сделал свою работу, как если бы это был электрик. После торжества Андреа продолжала любоваться бокалом на свету, все повторяя, как чудесно совпадают оттенок шампанского и цвет ее платья. Впервые в жизни я смог разглядеть, как хороша собой она была, как счастлива, как молода. Отцу на момент его второй свадьбы было сорок девять, а его новой жене в платье цвета шампанского – тридцать один. И все же ни Мэйв, ни я не могли взять в толк, почему он женится на ней. Оглядываясь назад, вынужден признать, что нам попросту не хватало воображения.

* * *

– Как думаешь, прошлое вообще возможно увидеть таким, каким оно на самом деле было? – спросил я сестру. Просторным светлым днем в начале лета мы сидели в ее машине, припаркованной напротив Голландского дома. Липы полностью перегораживали нам вид, но, по крайней мере, нам были видны липы. В детстве они казались мне огромными, но и теперь они продолжали расти. Возможно, когда-нибудь они врастут в стену грез Андреа. Окна в

машине были опущены, каждый из нас высунул наружу руку с сигаретой – Мэйв левую, я правую. Я окончил первый курс медицинской школы Колумбийского университета. Вроде бы как раз тем летом мы оба бросили курить, но в тот конкретный день пока лишь подумывали об этом.

– Я вижу прошлое таким, каким оно было, – сказала Мэйв. Она смотрела на деревья.

– Но мы наслаиваем настоящее на прошлое. Смотрим назад через призму нашего нынешнего опыта, то есть мы сами уже не те, кем когда-то были, мы стали другими, а значит, и прошлое в значительной степени изменилось.

Мэйв сделала затяжку и улыбнулась:

– Миленько. Вас этому в колледже учат?

– Курс «Введение в психиатрию».

– Может, станешь мозгоправом? Весьма прибыльное занятие.

– А ты когда-нибудь думала о том, чтобы посещать психотерапевта? – Был вроде 1971-й. Все были помешаны на психоанализе.

– Мне это не нужно, я не искажаю прошлое, но, если хочешь на ком-нибудь попрактиковаться, я к твоим услугам. Мое подсознание – твое подсознание.

– А почему ты не на работе?

Мэйв посмотрела на меня крайне озадаченно:

– Глупее ничего не мог спросить? Ты только что вернулся. Какая может быть работа?

– Сказала, что приболела?

– Просто сказала Оттерсону, что ты приезжаешь. Ему без разницы, на месте я или нет. Я все делаю в срок. – Она смахнула пепел в окно. Мэйв работала у Оттерсона бухгалтером с тех самых пор, как окончила колледж. Они занимались упаковкой и транспортировкой замороженных овощей. В Барнарде Мэйв получила медаль по математике. Средний балл у нее был выше, чем у парня, которому в том же году досталась медаль в Колумбийском: этот приятный факт Мэйв узнала от своей подруги, сестры того парня. Вооружившись своими знаниями и способностями, она не только с легкостью управлялась с платежными ведомостями и высчитывала налоги, но и улучшила логистику, обеспечив быструю доставку пакетов замороженной кукурузы в морозильные камеры бакалейщиков по всему северо-востоку.

– Ты всю жизнь собираешься там проторчать? Тебе нужно учиться дальше.

– Доктор, мы говорим о прошлом, не о будущем. Не теряйте нить.

Я стряхнул пепел. Мне и правда хотелось поговорить о прошлом – об Андреа, но тут из соседнего дома вышла миссис Буксбаум, чтобы проверить почтовый ящик, и заметила нас. Она подошла к моему открытому окну и наклонилась.

– Дэнни, ты вернулся, – сказала она. – Как там в Колумбийском?

– Так же, как было раньше, только сложнее. – Последний год бакалавриата я тоже провел там.

– Представляю, как сестра рада тебя видеть. – Она кивнула в сторону Мэйв.

– Здрасьте, миссис Буксбаум, – сказала Мэйв.

Миссис Буксбаум положила руку мне на плечо.

– Ты должен с кем-нибудь ее познакомить. У вас в клинике наверняка есть какой-нибудь симпатичный врач, у которого нет времени на поиски жены. Высокий симпатичный врач.

– Мой список требований несколько шире, – сказала Мэйв.

– Пойми меня правильно: я радуюсь каждый раз, когда ее вижу, но все же меня это беспокоит, – миссис Буксбаум обращалась исключительно ко мне. – Ну не дело это – вечно торчать здесь одной. Люди надумывать начнут всякое. То есть она, конечно, наша, своя, но ты же понимаешь.

– Я понимаю, – ответил я. – Меня это тоже беспокоит. Непременно с ней поговорю.

– А эта, через улицу, – миссис Буксбаум неопределенно мотнула головой в сторону лип. – Вот уж тоже. Проезжает мимо и даже не кивнет. Как будто вокруг вообще никого нет. Думаю, внутри у нее такая печаль…

– Или нет, – сказала Мэйв.

– Девочек иногда встречаю. Вы с ними видитесь? Манеры у них получше, чем у матери. Вот кого уж точно стоит пожалеть, я считаю.

Я покачал головой:

– Мы не общаемся.

Миссис Буксбаум крепко сжала мое запястье и помахала Мэйв.

– Заглядывайте к нам в любое время, – сказала она, уходя, и мы ее поблагодарили.

– Я определенно вижу прошлое без прикрас, и миссис Буксбаум – живое тому подтверждение, – сказала Мэйв, когда мы снова остались наедине.

* * *

После того как Андреа с девочками перебрались в Голландский дом, а Мэйв вернулась в колледж, мы сблизились с отцом. Забота обо мне всегда ложилась на плечи сестры, однако теперь, когда ее не было рядом, он внезапно начал проявлять интерес к моей учебе и баскетбольным матчам. Мысль о том, что место Мэйв в моей жизни может занять Андреа, никому и в голову не приходила. Главный вопрос заключался в том, был ли я в свои одиннадцать достаточно самостоятельным, чтобы подолгу оставаться без присмотра. Сэнди и Джослин, как обычно, продолжали следить за тем, чтобы я был сыт и, когда холодно, не выходил на улицу без шапки. Они обе были очень обеспокоены моим одиночеством. Например, если я делал уроки у себя в комнате, Сэнди могла постучаться в дверь. «Иди заниматься вниз», – говорила она и тут же скрывалась, не давая мне возможности ответить. Ну я и шел с учебником алгебры в руке. В кухне Джослин выключала свой маленький радиоприемник и выдвигала для меня стул.

– За едой думается лучше. – Она отрезала горбушку свежеиспеченного домашнего хлеба и мазала маслом. Я всегда был неравнодушен к горбушкам.

– Мэйв прислала открытку, – сказала как-то раз Сэнди и указала в сторону холодильника с примагниченной картинкой, изображающей Барнардскую библиотеку, занесенную снегом. Сам факт того, что она там висела, наглядно доказывал, что Андреа никогда не заходила на кухню. – Пишет, чтобы мы не забывали тебя кормить.

Джослин кивнула:

– Вообще после ее отъезда мы этого не планировали, но раз Мэйв говорит «надо» – значит, надо.

Мне она писала длинные письма, рассказывала о Нью-Йорке, о занятиях, о Лесли, соседке по комнате, которая, по условиям предоставления стипендии, вечерами работала в столовой, а после засыпала одетая, пытаясь позаниматься в кровати. В письмах Мэйв не было ни слова о том, что учеба дается ей нелегко или что она скучает по дому, хотя она всегда говорила, что скучает по мне. Теперь, когда ее не было рядом и она не помогала мне с домашним заданием, я задавался вопросом, а кто в свое время помогал ей? Флаффи? Это вряд ли. Расположившись за кухонным столом, я открыл книгу.

Сэнди заглянула через мое плечо.

– Дай-ка посмотреть. Когда-то я неплохо разбиралась в математике.

– Да ладно, я сам, – сказал я.

– Только и думаешь: вот бы пожить без сестры, – сказала Джослин, похлопывая меня по плечу – дружески, чтобы не смутить. – Но потом она уезжает, и вот ты уже скучаешь по ней.

Сэнди рассмеялась и шлепнула Джослин кухонным полотенцем.

Джослин была права лишь наполовину. Мне никогда не хотелось пожить без Мэйв.

– У тебя есть сестра? – спросил я.

Сэнди и Джослин рассмеялись и так же одновременно замолчали.

– Ты сейчас серьезно? – спросила Джослин.

– Серьезнее некуда, – сказал я, недоумевая, что бы все это значило, но за секунду до того, как они внесли ясность, я увидел сходство между ними, которое всегда было мне очевидно, хотя я этого и не осознавал.

Сэнди вздернула подбородок:

– Ну, привет. Дэнни, ты правда не знал, что мы сестры?

В тот момент я мог назвать абсолютно все, в чем они дополняли друг друга и в чем были совершенно не схожи, но это уже не имело значения. Я никогда всерьез не задумывался о том, кто их родня, кто ждет их после работы. Мне было известно лишь то, что они заботятся о нас. Помню, как-то раз Сэнди не было две недели, когда заболел ее муж, а потом еще несколько дней, когда он умер.

– Я не знал.

– Это все из-за того, что я гораздо симпатичнее, – сказала Джослин. Она пыталась рассмешить меня, чтобы разрядить неловкость, но я не мог сказать, была ли одна из них симпатичнее другой. Они были моложе отца и старше Андреа, однако ничего более определенного я сказать не мог. И знал, что лучше не спрашивать. Джослин была выше и стройнее, с неправдоподобно белыми волосами; Сэнди, с каштановыми волосами, всегда закрепленными сзади двумя заколками, была, пожалуй, приятнее на лицо. Розовощекая и красивобровая (так вообще можно сказать?). Короче, не знаю. Джослин была замужем, Сэнди овдовела. У обеих дети – я знал это, потому что Мэйв отдавала им всю одежду, из которой мы вырастали, а еще потому, что, когда кто-то из их детей всерьез заболевал, они не выходили на работу. Спрашивал ли я хотя бы одну из них, когда они возвращались, кто именно болен? Как чувствует себя? Нет, не спрашивал. Я очень привязался к ним обеим – и к Сэнди, и к Джослин. Теперь мне было ужасно стыдно перед ними.

Сэнди покачала головой. «Мальчишки», – сказала она, и этим единственным словом сняла с меня всякую ответственность.

При входе в общежитие, где жила Мэйв, стоял телефон. Номер я знал наизусть. Когда звонил ей, кого-нибудь из студенток отправляли на третий этаж, чтобы постучала в дверь, проверяя, на месте ли Мэйв; чаще всего Мэйв не было, потому что она любила заниматься в библиотеке. Вся операция по ее поиску, обнаружению, что ее нет на месте, и записи сообщения занимала минимум семь минут, что было примерно на четыре минуты дольше, чем мой отец считал приемлемым для междугороднего звонка. Поэтому, хотя мне безумно хотелось поговорить с сестрой и спросить, была ли она в курсе – и если была, почему не потрудилась рассказать мне, – я не позвонил. Я пошел в гостиную, постоял около ее портрета, тихо ругаясь про себя под ее благосклонным взглядом десятилетки. Я решил, что дождусь субботы и расспрошу обо всем отца. Сходство между Сэнди и Джослин становилось все более вопиющим – теперь я замечал его каждое утро, когда они стояли рядом в кухне, пока я в спешке собирался на школьный автобус; я видел это сходство, когда они махали мне, будто пара пловчих-синхронисток; и, конечно же, у них был один на двоих голос. До меня дошло, что я никогда не мог определить, кто из них зовет меня, если я наверху. Что со мной было не так, почему я всего этого не замечал?

– А какая вообще разница? – спросил отец, когда наконец-то наступила суббота и мы отправились на сбор арендной платы.

– Но ты *знал*.

– Разумеется, я знал. Я нанял их на работу – ну, мама, точнее, наняла. Этим она всегда занималась. Сперва была только Сэнди, но пару недель спустя она сказала, что ее сестре

тоже нужна работа, так что у нас получился комплект. Ты всегда был с ними учтив. В чем проблема-то?

Проблема, хотелось мне ответить, была в том, что я, оказывается, жил в отрыве от реальности. Я понятия не имел, что происходит даже у меня дома. Мама наняла их обеих, потому что знала, что они сестры, и это говорит о том, что она была хорошим человеком. Я понятия не имел, что они сестры, и это говорит о том, что я придурок. Впрочем, я говорю о прошлом с позиций настоящего. В то время я и сам себе объяснить не мог, почему так расстроен. Неделями я старался избегать Сэнди и Джослин при любой возможности, но не особо в этом преуспел. В конце концов я убедил сам себя, будто всегда знал, кем они приходятся друг другу, просто, ну, позабыл.

Сэнди и Джослин всегда вели хозяйство совершенно автономно. Иногда мы могли высказать пожелание, мол, вот было бы здорово снова поесть той шикарной тушеной говядины с клецками или того чудесного яблочного пирога, но и это случалось редко. Они знали, что нам нравится, и прекрасно справлялись без наших просьб. У нас никогда не заканчивались яблоки или крекеры, в левом ящике стола в библиотеке всегда лежали почтовые марки, а в ванной висели чистые полотенца. Сэнди гладила не только нашу одежду, но и простыни, и наволочки. Когда Мэйв была дома, на дверце холодильника всегда подрагивали выстроенные рядком ампулы с инсулином. Сэнди и Джослин кипятили ее шприцы – одноразовых тогда еще не было. Мы никогда не просили их что-нибудь постирать или вымыть полы, потому что все это делалось до того, как мы успевали заметить.

С появлением Андреа все переменилось. Каждую неделю она составляла меню и высказывала Джослин свое мнение по поводу каждого блюда: суп недосолен; девочки едят слишком много картофельного пюре. Разве можно давать детям столько пюре? Почему Джослин подала треску, когда Андреа прямым текстом просила камбалу? А на другой рынок сложно было зайти? Андреа должна сама все делать? Каждый день ей удавалось придумать какое-нибудь новое поручение для Сэнди: протереть полки в кладовой, выстирать тюлевые занавески. Больше я не слышал, чтобы Сэнди и Джослин болтали о чем-нибудь в коридорах. Теперь по утрам не было художественного свиста Джослин, когда она входила в дом. Теперь им не разрешалось кричать что-нибудь снизу лестницы: им следовало подняться наверх и разыскать нас, как подобает цивилизованным людям. Так сказала Андреа. Сэнди и Джослин усвоили, что надо вести себя тише, быть учтивее и работать там, где нас нет. А может, просто я сам стал нелюдимым. После отъезда Мэйв я все больше времени проводил в своей комнате.

На втором этаже было шесть спален: отцовская, моя, комната Мэйв, светлая комната с двумя кроватями, где спали Брайт и Норма, гостевая спальня, куда мы даже не заглядывали, и еще одна комната, переделанная в хранилище инвентаря. Наверху лестницы также было что-то вроде площадки, где до появления Нормы и Брайт никто никогда не сидел. Им, похоже, понравилось сидеть наверху лестницы.

Однажды за ужином Андреа объявила свой план передислокации.

– Я перенесу вещи Нормы в ту комнату с широким подоконником, – сказала она.

Мы с отцом лишь молча смотрели на нее, а Сэнди, наполнявшая стаканы с водой, слегка отшатнулась от стола.

Андреа ничего не заметила.

– Из девочек Норма старшая. А эта комната – как раз для старшей сестры.

Норма приоткрыла рот. Было ясно, что для нее это тоже новость. Если она и проявляла интерес к комнате Мэйв, то лишь потому, что ей хотелось быть рядом с Мэйв.

– Но Мэйв вернется домой, – сказал отец. – Она всего лишь в Нью-Йорке.

– Когда она приедет погостить, сможет остановиться в чудесной комнатке на третьем этаже. Сэнди все организует – правда, Сэнди?

Однако Сэнди не ответила. Она прижимала к груди кувшин с водой, будто опасаясь его выронить.

– Не думаю, что нужно заниматься этим прямо сейчас, – сказал отец. – Уж спальных мест в доме хватает. Норма может спать в гостевой, если захочет.

– Гостевая комната – для гостей. Норма будет спать в комнате с подоконником. Это лучшая комната в доме, с прекрасным видом. Нелепо превращать ее в святилище того, кто в ней не живет. На самом деле я думала, не перебраться ли нам с тобой туда, но там все же шкаф маловат. А для Нормы он в самый раз. Тебя ведь устроит такой шкаф, да?

Норма заторможенно кивнула, одновременно ужасаясь матери и будучи не в силах противостоять мысли о подоконнике и тех потрясающих занавесках, которые могут укрыть тебя от остального мира.

– Я тоже хочу спать в комнате Мэйв, – сказала Брайт. Она не привыкла жить в таком большом доме и цеплялась за свою сестру так же, как я цеплялся за свою.

– У вас у каждой будет по комнате, и Норма будет пускать тебя к себе, – сказала ее мать. – Все прекрасно приспособятся. Как уже сказал ваш отец, этот дом достаточно велик, чтобы у каждой из вас была своя комната.

На этом вопрос был закрыт. Я так ни слова и не произнес. Смотрел на отца, который, по всей вероятности, теперь также приходился отцом Норме и Брайт, в надежде, что мы еще повоюем, но он предпочел сдаться. Андреа была очень красива. Он мог уступить ей сейчас или немного позже, но, так или иначе, она все равно добилась бы своего.

Все это произошло примерно в то время, когда я влюбился в одну из дочерей Ванхубейков – точнее, в ее портрет; я назвал ее Джулией. Узкоплечая, с соломенными волосами, стянутыми зеленой лентой. Ее портрет висел в спальне на третьем этаже – над вечно пустующей кроватью. За исключением Сэнди, которая по четвергам пылесосила и протирала все влажной тряпкой, никто, кроме меня, туда не заходил. Я верил, что мы с Джулией созданы друг для друга – просто не совпали во временах. Я до того себя извел осознанием этой несправедливости, что однажды совершил ошибку и позвонил сестре в Барнард, чтобы спросить, интересовалась ли она когда-нибудь девушкой с портрета в спальне на третьем этаже – глаза серые с зеленцой, – одной из дочерей Ванхубейков.

– Дочерей? – спросила Мэйв. Мне повезло, что я застал ее в общежитии. – У них не было дочерей. Думаю, это миссис Ванхубейк в детстве. Отнеси картину вниз и сравни с другим портретом. Уверена, на обоих – она.

Моя сестра была способна дразнить меня до тех пор, пока у меня кровь из ушей не пойдет, но так же часто она разговаривала со мной как с равным, давая честный ответ на любой вопрос. По ее голосу мне было понятно, что она не шутит, да и не особо ей это все интересно. Я взбежал по винтовой лестнице на третий этаж и забрался на вечно застланную кровать, чтобы снять со стены мою возлюбленную, обрамленную позолотой (рама была больше, чем ей бы хотелось, но не так величественна, как она того заслуживала). Моя Джулия – *не* миссис Ванхубейк. Но когда я отнес картину вниз, поставил ее на каминной полке, стало ясно, что Мэйв была права. На обоих портретах была изображена одна и та же женщина – в начале и конце жизни: старая миссис Ванхубейк, платье которой было по самый подбородок застегнуто на черные шелковые пуговицы, и юная Джулия, прекрасная, как утро. И даже если бы это не была одна женщина, подобное сходство делало очевидным то, как дочь однажды превращается в мать. Из-за угла вышла Джослин и увидела, что я стою перед двумя картинами. Она покачала головой: «Как летит время».

Сэнди и Джослин перенесли вещи Мэйв на третий этаж. По крайней мере, окна выходили в сад, как и в ее бывшей комнате. По крайней мере, вид был более-менее тот же самый или даже немного лучше: меньше ветвей, больше листвы. Однако окошки были слуховыми, и, конечно, никакого подоконника. Новая комната была меньше размером и расположена под

скатом крыши, так что потолок был скошен. Мэйв при ее росте будет постоянно стукаться головой.

Удручающее предприятие по превращению комнаты Мэйв в комнату Нормы заняло больше времени, чем можно было предположить, потому что, как только вещи Мэйв вынесли, Андреа решила покрасить стены, а после покраски передумала и принялась таскать домой рулоны обоев. В течение пары недель все только и слышали что о ремонте, но лишь когда Мэйв приехала домой на День благодарения, я наконец понял, что никому из нас не хватило смелости рассказать моей сестре о ее изгнании. Определенно это должен был сделать отец, и с той же степенью определенности каждому из нас было ясно, что он никогда на это не решится. Мэйв была в холле, раскачивала меня в объятиях, целовала Сэнди и Джослин, целовала девочек, и внезапно все мы поняли, что вот сейчас она поднимется наверх и обнаружит груду кукол, наваленных на ее бывшей кровати. В этот момент именно Андреа, наш бессменный генерал, проявила присутствие духа.

– Мэйв, пока тебя не было, мы кое-что поменяли. Теперь твоя комната на третьем этаже. Там довольно уютно.

– На чердаке? – переспросила Мэйв.

– На третьем этаже, – повторила Андреа.

Отец поднял ее чемодан. Сказать ему было нечего, но, по крайней мере, он проводит ее наверх. Из-за колена, болевшего при подъеме по лестнице, он никогда не ходил на третий этаж. Мэйв еще не сняла свое красное пальто, на руках у нее были перчатки. Она рассмеялась.

– Прямо как в «Маленькой принцессе»! – сказала она. – Девочка теряет все деньги, ее отправляют жить на чердак и заставляют чистить камины. – Она повернулась к Норме: – Не очень-то обольщайся, мисс. Твой камин я чистить не стану.

– Это по-прежнему моя работа, – сказала Сэнди. Я уже несколько месяцев не слышал, чтобы она шутила; если, конечно, в этой ситуации шутки были уместны.

– Ну, пойдем, – сказала она отцу. – Если хотим обернуться до ужина, пора отправляться. А что это так чудесно пахнет? – Она посмотрела на Брайт. – Ты?

Брайт рассмеялась, а Норма выбежала в слезах, внезапно осознав, *что* вся эта история с комнатой могла значить для Мэйв. Мэйв смотрела ей вслед, и ее лицо выражало непонимание: кого теперь успокаивать – Норму, Сэнди, меня? Отец уже поднимался наверх с ее чемоданом. После секундного колебания она последовала за ним. Их не было очень долго, но никто не ходил на третий этаж, чтобы поторопить их, сказать, что ужин на столе, что мы ждем.

Глава 5

НА РОЖДЕСТВО Мэйв снова приехала домой, но пробыла лишь несколько дней. Друзья пригласили ее погостить и покататься на лыжах в Нью-Гэмпшире, и одна из ее однокурсниц, жившая в Филадельфии, как раз тоже собиралась туда на своей машине. Все они были богаты. Умные, популярные девушки, прекрасно чувствовавшие себя на горнолыжных спусках и читавшие «Красное и черное» в оригинале. Когда Мэйв узнала, что общежитие не закроют на Пасху, то решила остаться в Барнарде. Многие из ее друзей жили в Нью-Йорке, так что вариантов отпраздновать была уйма. И потом, ей нужно было заниматься. Пасхальная месса в соборе Святого Патрика, после – прогулка по Пятой авеню в компании подружек, проделывавших это из года в год. Кто ее за это осудит? Но я осуждал. Какая может быть Пасха без Мэйв?

– Садись на поезд и приезжай, – сказала она по телефону. – Я тебя встречу. Давай позвоню папе и все устрою. Уж с поездкой в поезде ты как-нибудь справишься.

Я чувствовал себя старше однокашников – тех, у кого было по два родителя, тех, что жили в нормальных домах. Я и выглядел старше. В классе я обогнал всех по росту. «Парни, у которых высокие сестры, в итоге становятся высокими парнями», – говаривала Мэйв – и была права. И все же я не был уверен, что отец отпустит меня в Нью-Йорк одного. Хоть я и был высоким, да и учился хорошо, хоть я и вполне мог сам о себе позаботиться, мне было всего двенадцать.

Но, к моему удивлению, отец сказал, что сам отвезет меня в Нью-Йорк, а домой я смогу вернуться на поезде. На машине до Барнарда было около двух с половиной часов. Отец сказал, что мы заедем за Мэйв и пообедаем втроем, а потом он вернется в Элкинс-Парк. Это *втроем* прозвучало так ностальгически, будто связывало нас нечто большее, чем обстоятельства.

Андреа быстренько пронюхала об этом и объявила за ужином, что поедет с нами: у нее в городе столько дел! Однако, обдумав все еще раз, она сказала, что девочки тоже поедут, и после того, как меня передадут Мэйв, отец покажет им город. «Девочки ни разу не были в Нью-Йорке, а ты оттуда родом! – сказала Андреа, как будто он умышленно утаивал от них Нью-Йорк. – Мы отправимся на пароме к статуе Свободы – ну не чудесно ли?» – обратилась она к девочкам.

Я тоже не бывал в Нью-Йорке, но решил об этом не заикаться, чтобы не показалось, будто я пытаюсь примазаться к их компании. К тому моменту, когда Сэнди подала десерт, Андреа уже толковала о бронировании отеля и спектаклях. Нет ли у отца знакомого, который смог бы достать билеты на «Звуки музыки»?

– Почему, прежде чем что-то спланировать, ты вечно тянешь до последней минуты? – спросила она и тут же принялась обсуждать возможность встретиться с несколькими художниками-портретистами. – Нужно, чтобы кто-то написал портреты девочек.

Я изучал крошки ревеневого пирога на своей тарелке. Ну и ладно. Всего-то пожертвую ланчем – этой нелепицей на троих. Зато мы увидимся с Мэйв; это было все, чего мне хотелось. Какая разница, кто еще будет в машине? Разочарование – прямое следствие ожиданий, и в те дни я не ожидал, что Андреа согласится на что-то меньшее, чем запланировала.

Но наутро – я еще хлопья не доел – отец толкнул маятниковые двери в кухню. Он постучал двумя пальцами по столу прямо у моей плошки. «Пора ехать, – сказал он. – Давай». Андреа нигде не было видно. Девочки все еще были в комнате Мэйв (как и предсказывала Брайт, спали они вместе), Сэнди и Джослин еще не приехали. Я не стал спрашивать, в чем дело, или напоминать, что его жена и ее дочери вроде как тоже собирались с нами. Я не пошел за книжкой, которую хотел почитать в поезде на обратном пути, не сказал, что мы должны были выехать только через два часа. Я оставил плошку с недоеденными хлопьями на столе – прости, Сэнди, – и вышел за дверь вслед за ним. Мы линяли от Андреа. Пасха в том году была поздняя, и

утро сочилось запредельной сладостью гиацинтов. Отец шел быстро, ноги у него были до того длинны, что, даже несмотря на его хромоту, я едва за ним поспевал. Мы прошли под сводом еще не расцветшей глицинии, и весь путь до гаража в голове у меня стучало: *Побег, побег, побег*. С каждым шагом мы вбивали это слово в гравий.

Могу лишь догадываться, сколько смелости потребовалось, чтобы сказать Андреа, что она остается дома, обрекая себя таким образом на совершенно невыносимую перепалку. Все, что имело для него значение, – убраться из дома до того, как она спустится вниз, чтобы вставить очередную ремарку, и, подгоняемые этим, мы смылись.

Если я спрашивал о чем-нибудь отца, когда он молчал, он отвечал, что разговаривает сам с собой и мне не стоит вмешиваться. В тот раз он определенно вел один из подобных разговоров, поэтому я смотрел в окошко на пылающее утро и думал о Манхэттене, о сестре и о том, как же знатно мы повеселимся. Я не собирался просить Мэйв отвезти меня к статуе Свободы – ее укачивало на воде, – но надеялся, что смогу уломать ее подняться на Эмпайр-стейт-билдинг.

– Ты ведь знаешь, что я жил в Нью-Йорке? – сказал отец, когда мы выехали на Пенсильванскую магистраль.

Я ответил, да, вроде знаю. О том, что Андреа упоминала об этом за ужином, я говорить не стал.

Затем он включил поворотник, готовясь уйти на съезд. «У нас куча времени. Я тебе покажу».

По большей части я знал об отце лишь то, что видел: он был высоким и худым; кожа обветрена; волосы цвета ржавчины – как и у меня. Глаза у нас троих были голубые. Его левое колено плохо сгибалось, особенно зимой и во время дождя. Он никогда не жаловался на боль, но определить, что колено его беспокоит, было достаточно легко. Он курил «Пелл-Мелл», пил кофе с молоком и, прежде чем прочесть газету, разгадывал кроссворд. Он любил дома, как мальчишки любят собак. Когда мне было восемь, я как-то спросил его за ужином, за кого он будет голосовать – за Эйзенхауэра или Стивенсона. Эйзенхауэр переизбирался на второй срок, все мальчишки в школе были за него. Отец звякнул кончиком ножа по тарелке и сказал, чтобы я больше *никогда* не задавал подобных вопросов – ни ему, ни кому бы то ни было. «С мальчишками рассуждайте, за кого бы вы проголосовали, потому что мальчишки не могут голосовать, – сказал он. – Но задавать подобный вопрос взрослому – значит нарушать его право на конфиденциальность». Теперь мне кажется, что отца просто напугала сама мысль, что я вообще допускаю возможность, будто он способен проголосовать за Стивенсона, но тогда я этого не понимал. Но я точно знал, что к горячей плите прикасаешься лишь однажды. Вот о чем мы обычно говорили в моем детстве: бейсбол – он болел за «Филлис»; деревья – он знал их все по именам, хотя и честил меня, если я спрашивал об одном и том же дереве по нескольку раз; птицы – см. предыдущий пункт (на заднем дворе он держал кормушки и опознавал каждого из своих питомцев); здания – будь то их структурная устойчивость, детали архитектуры, стоимость, налог на недвижимость – ну и так далее; отец любил поговорить о зданиях. Перечислять все то, о чем мне спрашивать было нельзя, лучше и не начинать, но я выделю одно: я не спрашивал его о женщинах. Ни о женщинах в целом, ни о том, чем с ними можно заняться, ни уж тем более о конкретных женщинах: моей сестре, нашей матери, Андреа.

Почему в тот день все сложилось иначе, я не могу сказать, хотя, уверен, это каким-то образом связано с их утренней перепалкой. Возможно, тот факт, что он возвращается в Нью-Йорк, откуда они с мамой были родом, и впервые в жизни навестит Мэйв в колледже, поднял в нем волну ностальгии. Или, возможно, все было именно так, как он сказал: у нас было время в запасе.

– Все это выглядело иначе, – сказал он, пока мы улица за улицей колесили по Бруклину. Но Бруклин не сильно отличался от жилых районов Филадельфии – тех, где мы собирали ренту

по субботам. Просто в Бруклине всего было больше – ощущение густоты, расползавшейся во всех направлениях. Он замедлил ход до черепашьей скорости, показывая: – Многоквартирки видишь? В моем детстве здесь стояли деревянные дома. Теперь все снесли, или они сгорели. Весь квартал целиком. А вот и кофейня, – он указал на «Чашку и блюдце Боба». Люди, что сидели у окна, доедали свой весьма поздний завтрак, кто-то читал газету, кто-то смотрел в окно. – Они сами жарили хворост. Нигде вкуснее не ел. После воскресной мессы здесь всегда была очередь на весь квартал. Обувной магазин видишь? «Ремонт на совесть». Он всегда здесь был, – он снова указал на окно магазина, едва ли не шире входной двери. – Я учился вместе с сыном владельца. Уверен, если мы сейчас зайдем, он по-прежнему будет там – прибивать подошвы к ботинкам. Такая вот нехитрая жизнь.

– Надо полагать, – сказал я. Прозвучало по-идиотски, но я не знал, как на все это реагировать.

На углу он свернул, потом снова свернул на светофоре, и мы выехали на Четырнадцатую авеню.

– Ну вот, – сказал он, показывая на третий этаж дома, выглядевшего в точности как все остальные вокруг. – Здесь я и жил, а твоя мама жила в соседнем квартале, – он показал большим пальцем себе через плечо.

– Где?

– Прямо за нами.

Я встал коленями на сиденье и посмотрел в заднее окно; сердце у меня билось в районе горла. Мама.

– Я хочу посмотреть, – сказал я.

– Ее дом ничем не отличается от других.

– Но время же есть. – Был Страстной четверг, и те, кто ходил к мессе, либо уже ушли, либо пойдут после работы. Встретить можно было разве что женщин, прочесывающих магазины. Мы стояли во втором ряду, но прямо перед тем, как мой отец собрался сказать «нет», ближайшая к нам машина отъехала от тротуара, будто приглашая занять ее место.

– Ну что на это возразишь? – сказал отец и припарковался.

Когда мы выехали из Пенсильвании, небо затянуло тучами, но дождя не было, так что мы прошли один квартал назад – отец слегка прихрамывал из-за перемены погоды.

– Ну вот. На первом этаже.

Дом и правда ничем не отличался от остальных, но при мысли о том, что здесь жила мама, я почувствовал, будто высадился на Луне – настолько это было невероятно. На окнах висели решетки, я поднял руку, прикоснулся к одной из них.

– Оберег от долбоящеров, – сказал отец. – Так твой дед говорил. Это он повесил решетки.

Я посмотрел на него: «Мой дед?»

– Отец твоей матери. Он был пожарным. Ночи он часто проводил на станции, вот и поставил решетки на окна. Хотя не уверен, что в этом был смысл: тогда здесь было спокойно.

Я обвил пальцы вокруг одного из прутьев.

– А сейчас он здесь живет?

– Кто?

– Дедушка. – До сих пор я ни разу не произносил этого слова.

– О господи, нет. – Отец покачал головой. – Дедушка Джек давным-давно умер. Что-то не так было с легкими. Не знаю что. Дыма наглотался.

– А бабушка? – еще одно поразительное слово.

На его лице застыло выражение «я на это не подписывался». Он всего-то лишь хотел приехать в Бруклин, показать мне знакомые места, дом, где он вырос.

– Пневмония; вскоре после Джека.

Я спросил, были ли другие родственники.

– Ты не знаешь?

Я покачал головой. Он мягко отнял мою руку от решетки и повел обратно к машине.

– Бадди и Том умерли от гриппа, Лоретта умерла при родах. Дорин переехала в Канаду – с парнем, за которого вышла; был еще Джеймс, мы с ним дружили, – он погиб на войне. Твоя мать была последним ребенком и всех пережила, кроме разве что Дорин. Она до сих пор в Канаде, наверное.

Я заглянул внутрь себя, чтобы найти там нечто, в наличии чего не был уверен, – часть меня, похожую на мою сестру.

– Почему она уехала?

– Она вышла замуж, муж захотел переехать, – сказал он, не поняв вопроса. – Он то ли был канадцем, то ли ему работу там предложили. Уже не помню точно.

Я остановился. Я даже не потрудился покачать головой, а просто попробовал снова. Это был главный вопрос моей жизни, и я до сих пор ни разу его не задавал:

– Почему мама уехала?

Отец вздохнул, засунул руки поглубже в карманы и посмотрел наверх, будто изучая положение облаков, после чего сказал, что она была сумасшедшей. Это был одновременно развернутый и короткий ответ.

– В каком смысле?

– В том смысле, что могла, например, снять пальто и отдать его бродяге, который, вообще говоря, ее об этом не просил. В том смысле, что могла снять пальто *с тебя* – и его тоже отдать.

– Но мы вроде как должны так поступать, – мы так не делали, но разве не в этом была цель?

Отец покачал головой:

– Нет. Мы – не должны. Послушай, не пытайся докопаться до сути всей этой истории. Каждый несет свой крест – считай, что это твой. Ее больше нет. Пора привыкнуть к этой мысли.

Когда мы сели в машину, разговор был окончен, и до Манхэттена мы ехали как двое незнакомцев. Приехали в Барнард и забрали Мэйв точно по графику. Он сидела на скамейке напротив общежития в своем теплом красном пальто, а ее волосы, заплетенные в толстую косу, лежали на плече. Сэнди всегда говорила Мэйв, что с заплетенными волосами ей лучше, но дома она никогда их не заплетала.

Меня распирало от желания поговорить с ней наедине, но ничего нельзя было поделать. Будь моя воля, мы бы быстренько спровадили отца домой, но у нас был план пообедать втроем. Мэйв предложила пойти в итальянский ресторан недалеко от кампуса, и мы отправились туда; мне подали целую миску спагетти с мясным соусом – Джослин никогда бы на обед такого не подала. Отец расспрашивал Мэйв о занятиях, и она, купаясь в редких лучах его внимания, рассказывала ему все. Она изучала высшую математику и экономику, а также историю Европы и японскую романистику. Последнее заставило отца неодобрительно покачать головой, но встревать он не стал. Возможно, он был рад ее видеть, а может быть, радовался тому, что не стоит на бруклинском тротуаре, отвечая на мои вопросы, но это был единственный раз, когда все его внимание безраздельно принадлежало дочери. У Мэйв шел второй семестр, а он понятия не имел о том, какие у нее занятия, мне же было известно все: «Мелкий снег»[2] стал для нее наградой за чтение «Повести о Гэндзи»[3]; экономику они изучали по учебнику, написанному их профессором; высшая математика, похоже, легче, чем алгебра. Я набивал рот макаронами, чтобы только не предложить сменить тему.

---

[2] Культовый для послевоенной Японии и полюбившийся читателям по всему миру роман Дзюнъитиро Танидзаки (1886–1965). – *Здесь и далее прим. перев.*

[3] Одно из величайших произведений (романов-моногатари) японской классической литературы. Создано предположительно в начале XI в. Авторство приписывается поэтессе Мурасаки Сикибу.

Когда с ланчем было покончено, а это произошло достаточно быстро, потому что отец терпеть не мог рестораны, мы проводили его до машины. Я не знал, когда мне нужно будет вернуться домой – тем же вечером или на следующий день. Мы это не обсуждали, я ничего с собой не взял, однако речь о моем возвращении так и не зашла. Я снова был с Мэйв, остальное не имело значения. Он скупо обнял ее, сунул немного денег в карман ее пальто, и вот мы с Мэйв уже стоим рядом и машем ему вслед. Пока мы обедали, пошел холодный дождь, и, хотя лило не сильно, Мэйв предложила сесть в метро, доехать до Метрополитен-музея и посмотреть египетские залы, поскольку смысла мокнуть не было. После Эмпайр-стейт-билдинг метро было вторым, что мне непременно хотелось увидеть, но теперь, когда мы спускались по лестнице, я едва смотрел по сторонам.

Почти дойдя до турникета, Мэйв остановилась и серьезно посмотрела на меня. Наверное, ей показалось, что меня сейчас вырвет. Что было недалеко от истины.

– Ты переел, что ли?

Я покачал головой.

– Мы были в Бруклине.

Наверное, об этом можно было как-то поэлегантнее сообщить, но я не мог подобрать слов для событий того утра.

– Сегодня?

Перед нами была черная металлическая ограда, сразу за ней – платформа. Подошел поезд, открылись двери, люди вышли, люди зашли, но мы с Мэйв стояли на месте. Кто-то спешил мимо нас – к турникету, чтобы успеть на поезд.

– Мы выехали рано. Думаю, они с Андреа поругались, потому что предполагалось, что они поедут с нами, Андреа и девочки, но папа спустился один, и как будто ужасно спешил. – Я разревелся, хотя плакать тут было не о чем. И потом, я уже был не в том возрасте.

Мэйв подвела меня к деревянной скамейке, мы присели; она выудила из сумочки бумажный платок и протянула мне. Положила руку мне на колено.

Когда я рассказал ей все от начала до конца, то сам увидел, что ничего особенного в этой истории нет, но у меня из головы не шли все те люди, что жили в той квартире, а теперь их не было в живых, не считая маминой сестры, переехавшей в Канаду, и мамы, хотя их обеих тоже вполне могло не быть в живых.

Мэйв сидела почти вплотную ко мне. Выходя из ресторана, она взяла из плошки при входе мятную конфетку. Я тоже. Ее глаза были голубыми, но не такими, как у меня. Они были гораздо темнее, почти ультрамариновые.

– Ты сможешь найти ту улицу?

– Это Четырнадцатая авеню, но я не знаю, как туда добраться.

– Но ты запомнил кофейню и ремонт обуви, так что мы найдем. – Мэйв подошла к мужчине в будке с жетонами и вернулась с картой. Нашла Четырнадцатую авеню, прикинула, какой нам нужен поезд, вернула карту и вручила мне жетон.

Бруклин большой, больше, чем Манхэттен, и трудно представить, что двенадцатилетний мальчик, никогда прежде там не бывавший, сможет снова найти многоквартирный дом, рядом с которым провел минут пятнадцать, но со мной была Мэйв. Когда мы сошли с поезда, она спросила дорогу к «Чашке и блюдцу Боба», и, когда мы оказались там, я знал, куда идти дальше: повернуть на углу, повернуть на светофоре. Я показал ей решетки на окнах, которые поставил дедушка, чтобы защититься от долбоящеров, и мы просто постояли там, прислонившись спиной к кирпичной стене. Она спросила, как звали наших дядей и тетей. Я припомнил Лоретту, Бадди и Джеймса, двух других позабыл. Она сказала, чтобы я не расстраивался. Дождь усилился, мы зашли в кофейню. Когда мы попросили хвороста, официантка усмехнулась. Сказала, все разбирают к восьми утра. Нас это не расстроило, учитывая, что голодны мы не были. Мэйв заказала кофе, я – чашку горячего шоколада. Мы сидели, пока не отогрелись и не пообсохли.

– У меня в голове не укладывается, что он взял и показал тебе, где она жила, – сказала Мэйв. – Все эти годы я расспрашивала его о ней, о ее семье, о том, куда она уехала, но он ничего мне не рассказывал.

– Он думал, это тебя доконает. – Я был не в восторге от того, что защищаю отца перед сестрой, но выбора не было. Мэйв заболела из-за маминого ухода.

– Что за чушь. От информации не умирают. Он просто не хотел со мной разговаривать. Как-то раз – я в старших классах уже училась – я сказала ему, что поеду в Индию и попробую ее разыскать; знаешь, что он мне ответил?

Я покачал головой, онемев от этого ужасного образа: Мэйв в Индии и нет уже их обеих.

– Чтобы я думала, будто она умерла, потому что, вероятно, так оно и есть.

Как бы ужасно это ни звучало, мне это было понятно.

– Он не хотел, чтобы ты уезжала.

– Он сказал: «В Индии живет 450 миллионов человек. Желаю удачи».

Подошла официантка с кофейником, предложила подлить кофе, Мэйв отказалась.

Я думал о решетках на окнах квартиры. Я думал обо всех долбоящерах мира.

– Почему она уехала? Ты знаешь?

Мэйв допила кофе.

– Я точно знаю, что она терпеть не могла этот дом.

– Голландский дом?

– На дух его не переносила.

– Да быть не может.

– Она же мне это и сказала. Говорила каждый день. Чувствовала себя в своей тарелке разве что на кухне. О чем бы ни спросила ее Флаффи, мама всегда отвечала: «Делай как считаешь нужным. Это твой дом». Она всегда говорила, что это дом Флаффи. Как же папа из-за этого бесился. Как-то раз она сказала мне, что, будь ее воля, она бы передала дом монахиням, чтобы они переделали его в сиротский или стариковский приют. Но тут же добавила, что сестры, сироты и старики вряд ли смогли бы здесь жить.

Я пытался это представить. Ненавидеть потолок в столовой – это понятно, но весь дом? Да лучше дома на свете не было.

– Может, ты как-то не так ее поняла?

– Она не раз это говорила.

– Значит, она была чокнутой, – едва я это произнес, тут же раскаялся.

Мэйв покачала головой:

– Нет, не была.

Когда мы вернулись на Манхэттен, Мэйв отвела меня в магазин мужской одежды и купила мне сменную пару нижнего белья, новую рубашку и пижаму, а в аптеке по соседству – зубную щетку. Тем вечером мы пошли в кинотеатр «Париж» и посмотрели «Моего дядюшку» – Мэйв сказала, что обожает Жака Тати. Я слегка переживал, что придется смотреть фильм с субтитрами, но, как выяснилось, там почти никто не разговаривал. После фильма мы зашли поесть мороженого и вернулись в Барнард. Мальчикам любых мастей строго запрещалось заходить в общежитие, но Мэйв объяснила ситуацию девушке, сидевшей при входе, очередной ее подружке, и мы поднялись наверх. Ее соседка Лесли уехала домой на пасхальные выходные, и я спал в ее кровати. Комната была до того маленькой, что мы могли с легкостью дотянуться друг до друга. Когда был помладше, я постоянно спал в комнате Мэйв, но теперь уже и позабыл, как же это здорово – проснуться посреди ночи и услышать ее ровное дыхание.

В итоге я остался в Нью-Йорке на пятницу и большую часть субботы, и, если Мэйв звонила домой, чтобы сообщить о наших планах, меня в тот момент поблизости не было. Она сказала, что слишком устала от учебы, чтобы таскаться по всевозможным туристическим местам, поэтому мы сходили в Музей естественной истории и в зоопарк Центрального парка. Невзи-

рая на дождь, мы поднялись на верхушку Эмпайр-стейт-билдинг, и все, что увидели, – густые влажные облака вокруг нас. Мэйв показала мне кампус Колумбийского университета и сказала, что именно здесь я должен учиться в колледже. На мессу в Страстную пятницу мы пошли в церковь Нотр-Дам, и по крайней мере половину нескончаемой службы я был захвачен красотой этого места. В какой-то момент Мэйв, извинившись, вышла в притвор, чтобы вколоть себе инсулин. Позже она сказала, что люди, по всей видимости, приняли ее за торчка – шприц, свитер. Ближе к вечеру Великой субботы она отвезла меня на Пенсильванский вокзал. Сказала, папа хочет, чтобы на Пасху я был дома, и потом – нам обоим на занятия в понедельник. Она купила мне билет, пообещав, что позвонит домой и сообщит Сэнди, когда меня встречать, и взяв с меня обещание, что я позвоню ей, как только доберусь до дома. Она дала проводнику чаевые и попросила посадить меня рядом с самым безобидным на вид человеком во всем поезде, но, как оказалось, поздним вечером Великой субботы в Филадельфию ехали лишь несколько человек, и в моем распоряжении оказался целый ряд кресел. Мэйв купила мне книгу о Юлии Цезаре, которую я выклянчил у нее в «Брентано», но всю поездку она пролежала у меня на коленях, а я смотрел в окно. Поезд уже проехал Ньюарк, когда до меня дошло, что я так и не показал ей дом, где вырос папа, а она так и не спросила.

Все то время, что я был в отъезде, я ни разу не вспомнил об Андреа, но теперь задавался вопросом, не случилось ли дома какого небогоугодного скандала. Но потом вспомнил слова отца о том, что то, с чем мы ничего не можем поделать, лучше выбросить из головы. Я попробовал, и оказалось, это гораздо проще, чем можно было предположить. Я просто смотрел, как за окном проносится мир: города дома деревья коровы деревья дома города – и все в таком духе.

Сэнди встретила меня на станции, как и обещала Мэйв, и, пока мы ехали домой, я рассказал ей обо всех своих приключениях. Сэнди хотела знать, как дела у Мэйв, какая у нее комната.

– Очень маленькая, – ответил я. Сэнди спросила, достаточно ли, на мой взгляд, Мэйв ест:

– На Рождество она выглядела исхудавшей.

– Думаешь? – спросил я. Мне казалось, Мэйв выглядела как обычно.

Когда мы добрались до дома, все уже сели ужинать.

– Смотрите, кто вернулся, – сказал отец.

На месте, где я обычно сидел, был приготовлен прибор.

– Мне на Пасху подарят кролика, – сообщила Брайт.

– А вот и нет, – сказала Норма.

– Давайте дождемся завтра, а там видно будет, – сказала Андреа, не посмотрев в мою сторону. – Доедайте.

Поднося мне тарелку, Джослин подмигнула. Она приехала, чтобы подменить Сэнди, пока та забирала меня со станции.

– В Нью-Йорке есть кролики? – спросила Брайт. Забавно, что девочки обращались со мной как со взрослым, будто по возрасту я был ближе к отцу и Андреа, чем к ним.

– Их там куча, – сказал я.

– Ты их видел?

Честно, кроликов я видел только в пасхальной витрине магазина «Сакс» на Пятой авеню. Я рассказал, как они возились под ногами разряженных манекенов и как мы с Мэйв, вместе с толпой других людей, стояли и смотрели на них добрых минут десять.

– А на спектакль вы попали? – спросила Норма, и тут Андреа подняла глаза. По ней было видно, что знание того, что мы с Мэйв попали куда-то, куда хотела попасть она, причинит ей страдания.

Я кивнул:

– Они постоянно пели, но это оказалось не так скучно, как я ожидал.

– Где вы умудрились достать билеты? – спросил отец.

– Через однокурсницу Мэйв. Ее отец работает в театре. – В те годы я был не особо подкован во вранье, но вроде у меня получилось. Никто из присутствовавших не смог бы проверить мою историю, а если бы и смог, Мэйв не задумываясь прикрыла бы меня.

Больше мне вопросов не задавали, поэтому пингвинов в зоопарке Центрального парка, кости динозавра в Музее естественной истории, «Моего дядюшку» и комнату в общежитии я оставил себе. Я планировал все рассказать моему другу Мэтью в понедельник в школе. Мэтью был одержим идеей побывать на Манхэттене. Андреа заладила про завтрашний пасхальный обед, про то, как она будет занята, хотя Сэнди сказала мне, что всю еду до последней мелочи приготовили заранее. Я все ждал, когда встречусь глазами с отцом и получу хотя бы мимолетное свидетельство того, что между нами что-то переменилось, но так и не дождался. Он не спросил меня ни о том, как мы провели время с Мэйв, ни о спектакле, который я не видел, и больше мы никогда не разговаривали о Бруклине.

* * *

– Тебе не кажется странным, что мы ни разу с ней не встретились? – спросил я Мэйв. Мне было уже под тридцать. И я полагал, что хотя бы раз-другой это должно было случиться.

– С чего бы нам с ней встречаться?

– Ну, мы постоянно паркуемся у ее дома. Пересечься в какой-то момент было бы вполне логично, – как-то раз мы видели Норму и Брайт, шедших в купальниках в сторону бассейна, – но и только, да и это было когда-то тому назад.

– Это не слежка. Мы же не все время здесь сидим. Ну, заезжаем раз в пару месяцев на пятнадцать минут.

– Подольше чем на пятнадцать, – сказал я. – И уж явно чаще, чем раз в пару месяцев.

– Ну и что? Значит, нам повезло.

– Ты думаешь о ней хотя бы иногда? – Не то чтобы я часто думал об Андреа, но, когда мы вот так парковались около Голландского дома, мне порой начинало казаться, что в машине нас трое.

– Бывает, думаю, не помирает ли она, – сказала Мэйв. – Думаю, когда уже наконец. Не более того.

Я усмехнулся, хотя был уверен, что она не шутит.

– Я думаю в несколько ином ключе – счастлива ли она, есть ли у нее кто-нибудь?

– Нет. О таком я не думаю.

– Она не такая уж старая. Вполне могла бы с кем-нибудь встречаться.

– В этот дом она никого никогда не пустит.

– Слушай, – сказал я. – В самом конце она обошлась с нами ужасно – это к доктору не ходи, – но я вот думаю, может, она сама не знала другого обращения. Возможно, она была слишком молода, чтобы со всем этим справиться, возможно, все это было от горя. А может, в ее жизни было много всего и помимо нас. В смысле – что мы вообще о ней знаем? Правда в том, что у меня куча хороших воспоминаний о ней. Просто я циклюсь на плохих.

– С чего тебе вдруг понадобилось говорить о ней хорошо? – спросила Мэйв. – Какой в этом смысл?

– Смысл в том, что так оно и есть. В те дни я ее не ненавидел, ну и чего вот я сейчас буду отскабливать каждое хорошее воспоминание, что-то вызывающее уважение, во имя воспоминаний о чем-то ужасном? – На самом деле я хотел сказать, что нам пора перестать ездить к Голландскому дому, потому что чем дольше мы будем пестовать нашу ненависть, тем больше будем отрывать себя от жизни, просиживая в этой машине, припаркованной на Ванхубейк-стрит.

– Ты ее любил?

Я с досадой выдохнул:

– Нет, не любил. Это все, что я могу выбрать? Любовь или ненависть?

– Ну, – сказала она. – Ты говоришь, что не ненавидел ее, поэтому мне бы хотелось определиться с параметрами. По мне, подобный разговор – вообще какая-то нелепость, если тебе интересно мое мнение. Скажем, по соседству живет мальчик – ты с ним особо не дружишь, но и стычек у вас не было. И вот однажды он пробирается к тебе в дом и забивает твою сестру бейсбольной битой.

– Мэйв.

Она вскинула руку:

– Дослушай. Неужели этот факт перечеркивает все прошлое? Возможно, нет, если ты любишь ребенка. Возможно, если ты его любишь, то попытаешься докопаться до сути произошедшего, посмотреть на ситуацию его глазами, подумать, не избивали ли его родители, нет ли у него в мозгу химического дисбаланса. Ты даже можешь подумать, что часть ответственности за это ложится и на твою сестру – может, она над ним издевалась? Может, была с ним груба? Но все эти мысли придут тебе в голову, только если ты любишь его. Если он тебе просто нравится, если он никогда не был для тебя чем-то большим, чем просто сосед, то я не вижу смысла ковыряться в добрых воспоминаниях. Он уже в тюрьме. Ты больше не увидишь маленького говнюка.

Я проходил интернатуру в медицинском колледже Эйнштейна в Бронксе, и каждые две-три недели ездил на поезде в Филадельфию. На то, чтобы остаться с ночевкой, у меня не было времени, но приезжал я каждый месяц. Мэйв всегда говорила, что, когда учеба закончится, мы будем видеться чаще, но не в этом было дело. В те дни у меня не было лишнего времени, и я не хотел тратить то немногое, что у меня было, сидя перед этим проклятым домом, но именно этим мы и занимались: как ласточки, как лосось, мы были беспомощными пленниками наших миграционных схем. Мы делали вид, что потеряли дом – не мать, не отца. Мы делали вид, что то, что нам принадлежало, отнял человек, живущий внутри. Листья на липах начали желтеть – пару раз уже были ночные заморозки.

– Ладно, – сказал я. – Проехали.

Отвернувшись от меня, Мэйв разглядывала деревья. «Спасибо».

Оставшись таким образом наедине со своими мыслями, я все же попытался сосредоточиться на хорошем: вот Андреа хохочет с Нормой и Брайт; вот Андреа заходит ко мне посреди ночи после того, как мне удалили зуб мудрости, и спрашивает, как я; несколько вспышек из первых дней, когда я видел, как радуется ей отец, как он касается рукой ее поясницы. Впрочем, это были мелочи, и, по правде сказать, меня все это порядком вымотало, так что я переключился на клинику, перебирая в уме пациентов, которых предстоит обойти, обдумывая, что я им скажу. Меня ждали обратно к семи.

Глава 6

ОКОНЧИВ КОЛЛЕДЖ, Мэйв вернулась в Пенсильванию, но о том, что она вновь поселится в Голландском доме, речи больше не было. С тех пор как ее изгнали на третий этаж, в доме она почти не появлялась. Вместо этого сняла квартирку в Дженкинтауне – это было значительно дешевле, чем в Элкинс-Парке, недалеко от храма Непорочного Зачатия, в который мы ходили. Она устроилась на работу в недавно созданную компанию, занимавшуюся транспортировкой замороженных овощей. План, по ее словам, состоял в том, чтобы пересидеть годик-другой, а потом поступить в магистратуру по экономике или юриспруденции, но я-то знал, что она просто хочет быть поближе ко мне, пока я заканчиваю школу, чтобы обеспечить мне в жизни хоть какое-то постоянство.

В «Замороженных овощах Оттерсона» и не подозревали, что на них обрушилось. После двух месяцев работы Мэйв придумала новую систему выставления счетов и новый способ отслеживания доставок. Вскоре она уже занималась не только налогами компании, но и личными налогами мистера Оттерсона. Работа давалась ей до нелепого легко, и, как она сама сказала, это было именно то, что нужно: передышка. Ее друзья по Барнарду тоже взяли передышку – кто-то уехал на год в Париж, кто-то обзавелся семьей, кто-то устроился на неоплачиваемую стажировку в Музей современного искусства, – а их отцы покрывали счета за квартиры на Манхэттене. У Мэйв всегда были специфические представления об отдыхе.

В те дни воцарилось что-то вроде покоя. Меня взяли в постоянный состав школьной баскетбольной команды – точнее, посадили на скамейку запасных, но я и этому был рад: грел себе место на будущее. У меня была куча друзей, а значит, и куча вариантов, куда пойти после школы, включая квартиру Мэйв. Не то чтобы я сторонился дома, но, как любой известный мне пятнадцатилетний подросток, находил все меньше причин бывать там. Андреа и девочки, казалось, существовали в своей собственной параллельной вселенной балетных уроков и походов по магазинам. Их орбита так отдалилась от моей, что я почти перестал о них вспоминать. Иногда, пока занимался, я слышал голоса Нормы и Брайт, доносившиеся из комнаты Мэйв. Они смеялись, или ссорились из-за расчески, или бегали друг за дружкой по лестнице, но это был всего лишь звуковой фон. К ним никогда не приходили друзья – впрочем, к нам с Мэйв они тоже никогда не приходили, – а может, у них и не было друзей. Я думал о них как о едином целом: Норма-и-Брайт – как рекламное агентство, состоящее из двух девочек. Когда мне надоедали их вопли, я закрывал дверь и включал радио.

Отец тоже где-то пропадал, так что мое отсутствие всем было на руку. Он сказал: спрос на недвижимость в пригороде вырос, так что появилась возможность удвоить прибыль, и, хотя это было правдой, также было вполне очевидно, что он женился не на той женщине. Нам всем было легче разбрестись по своим углам. Даже не легче, мы себя чувствовали от этого лучше, а в доме было достаточно пространства для того, чтобы каждый вел свою собственную жизнь. Сэнди собирала ранний ужин для Андреа и девочек в столовой, а Джослин оставляла тарелку для меня. Возвращаясь домой после баскетбольной тренировки, я ужинал – несмотря на уже съеденную с друзьями пиццу. Иногда я ехал на велике в темноте, чтобы отвезти сэндвичи отцу на работу, и вместе с ним снова перекусывал. Он раскатывал огромные белые листы архитектурных планов и показывал мне будущее. Каждая коммерческая постройка от Дженкинтауна до Гленсайда была украшена большой фирменной табличкой «Конрой» в передней части стройплощадки. Три субботы в месяц он отправлял меня с разными поручениями – таскать доски, забивать гвозди, мести только что построенные комнаты. Фундаменты были залиты, дома облицованы. Я научился ходить по стропилам, а обычные работяги, те, у кого не было особняков в Элкинс-Парке, подтрунивали надо мной, стоя внизу. «Ты только не гробанись, малыш», – кричали они, но, как только я научился перепрыгивать с доски на доску, как делали

они, и стал говорить об электрике и сантехнике, меня оставили в покое. К тому времени я уже мог выпилить карниз при помощи поворотного стусла. Именно здесь, на стройке – в большей степени, чем в школе, чем на баскетбольной площадке, чем даже в Голландском доме, – я чувствовал себя в своей тарелке. Когда только выдавалась возможность, работал после школы – не ради денег, отец практически не оплачивал мои рабочие часы, – а просто потому, что любил шум и запахи стройки. Мне нравилось ощущать себя частью растущего здания. В первую субботу каждого месяца мы с отцом по-прежнему отправлялись собирать арендную плату, но теперь толковали о логистике цементовоза, вечно заставляя кого-нибудь нас ждать. Нам никогда не хватало грузовиков, людей, часов в сутках, чтобы доделать все до конца. Мы обсуждали, насколько запоздал один проект и как точно по графику выполняется другой.

– День, когда ты получишь права, вполне возможно, станет самым счастливым в моей жизни, – сказал отец.

– Тебе надоело водить? Научил бы меня.

Он покачал головой, тыча локтем в открытое окно: «Все это трата времени, нам ни к чему ездить вдвоем. Вот исполнится тебе шестнадцать, и будешь сам собирать ренту».

Вот оно что, подумал я, поражаясь собственной зрелости. Я бы с радостью сохранил эту субботу в месяц для нас двоих, но вместо этого предпочту воспользоваться его доверием. Вот что значит взрослеть.

Как оказалось, вскоре у меня не осталось ни того ни другого. Он умер до того, как мне исполнилось шестнадцать.

Неловко в этом признаваться, но тогда я считал, что он умер стариком. Ему было пятьдесят три. Он поднимался по лестничным пролетам почти законченного офисного здания, чтобы проверить гидро- и шумоизоляцию какого-то окна на верхнем этаже, которое, по словам подрядчика, подтекало. Было десятое сентября, воздух кипел от жары. До подключения электропроводки оставался месяц, а значит, никакого лифта и кондиционера. В лестничном колодце были установлены лампы, работавшие от генератора, из-за которого было еще жарче. Мистер Бреннан, прораб, сказал, что температура воздуха была под сорок градусов. Когда они проходили второй этаж, отец пожаловался, что запустил себя, после уже ничего не говорил. Из-за больного колена он никогда не был быстрым, но в тот день все давалось ему в два раза медленнее. Пиджак его костюма пропитался потом. Не дойдя шести ступенек до верхней площадки, он присел, не говоря ни слова, его стошнило, после чего он упал и ударился головой о бетонную ступеньку. Мистер Бреннан не смог его подхватить, но уложил, как мог аккуратно, на площадке и побежал в аптеку через улицу, чтобы попросить девушку за кассой вызвать скорую; затем он собрал четверых мужчин, работавших на стройке, и вместе они перенесли отца вниз. Мистер Бреннан сказал, что еще не видел, чтобы человек так сильно бледнел, – а мистер Бреннан был на войне.

Мистер Бреннан поехал вместе со скорой и, когда они добрались до больницы, позвонил миссис Кеннеди в отцовский офис. Миссис Кеннеди позвонила Мэйв. Я был на уроке геометрии, когда в класс заглянул какой-то парнишка и протянул учителю сложенный листок бумаги; прочтя записку, учитель велел мне собрать вещи и идти в кабинет директора. Никто не приходит посреди урока геометрии, чтобы сообщить, что тебя назначили нападающим на следующий баскетбольный матч. Идя по коридору, я думал только об одном – о Мэйв. Мне так поплохело от страха, что я едва мог идти. У нее закончился инсулин или инсулин оказался плохим. Слишком большая доза, слишком маленькая – так или иначе, она уже мертва. До той минуты я не осознавал, как глубоко укоренился во мне этот страх: он преследовал меня повсюду, каждое мгновение моей жизни. Я был самым высоким парнем в классе, накачанным благодаря баскетболу и строительным работам. Кабинет директора представлял собой застекленную комнату, выходившую в вестибюль, и, когда я увидел Мэйв, стоявшую у стола спиной ко мне – безошибочно узнаваемые волосы, заплетенные в косу, – то издал звук, высокий и

резкий, казалось, поднявшийся у меня из-под колен. Она обернулась, все обернулись, но мне было плевать. Я молил Бога лишь об одном, – что и получил: моя сестра была жива. Обнимая меня, Мэйв плакала, а я даже ни о чем ее не спросил. Позже она скажет, что решила, что я знаю – из-за выражения на моем лице, – но я понятия не имел. Я ничего не знал до тех пор, пока мы не сели в машину и она не сказала, что мы едем в больницу и что папа умер.

Мы совершили чудовищную ошибку, но и сейчас мне трудно сказать, кто был тому причиной. Мистер Бреннан? Миссис Кеннеди? Мэйв? Я? Миссис Кеннеди уже была в больнице, ждала вместе с мистером Бреннаном, когда мы приедем. Мистер Бреннан рассказал нам, что случилось. Он не знал, как делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. В те дни едва ли кто-то об этом знал. Его жена, медсестра, говорила ему, что он должен пройти курс, но он не послушал. На его лице была такая боль, что Мэйв обняла его, а он прислонился к ее плечу и заплакал.

Отца положили в небольшом помещении, примыкавшем к отделению скорой помощи, поэтому нам не пришлось идти в морг. Он лежал в обычной больничной кровати, без пиджака и галстука, голубая рубашка расстегнута, шея заляпана кровью. Рот был открыт таким образом, что мне стало очевидно: закрыть его невозможно. Из-под простыни торчали его босые белые ноги. Куда делись ботинки и носки, я понятия не имел. Я уже очень давно не видел отцовских ног – с того самого лета, когда мы последний раз ходили на озеро. На лбу у него был ужасный бескровный порез, грубо заклеенный пластырем. Я не прикасался к нему; Мэйв наклонилась и поцеловала его в лоб рядом с раной – и еще раз поцеловала, ее длинная коса упала ему на шею. Казалось, она не замечает его открытого рта, который меня напугал. Она была так нежна с ним, что я подумал: надо будет рассказать отцу, когда он проснется, как сильно она его любит. Или я должен буду рассказать после того, как проснусь сам. Один из нас точно спал, я лишь не мог определиться, кто именно.

Медсестра позволила нам пробыть с ним невероятно долго, а потом в палату вошел доктор и объяснил причину смерти. Он сказал, дело было во внезапном сердечном приступе и спасти отца не представлялось возможным. «Скорее всего, он умер еще до падения. Даже если бы это случилось здесь, в больнице, – сказал он, – исход вряд ли был бы другим». Тогда я еще не знал, что врачи порой врут, чтобы успокоить. Без вскрытия он мог лишь строить догадки, но мы уцепились за эту версию без лишних вопросов. Мэйв дали подписать бумаги, вернули отцовский пиджак, галстук и сумку, а также выдали бумажный конверт, в котором лежали его бумажник, часы и обручальное кольцо.

Мы были практически детьми, у нас умер отец. Мне до сих пор не кажется, что в случившемся после была наша вина. Когда мы зашли на кухню, там были Сэнди и Джослин, и мы им все рассказали. И в ту самую секунду, когда они разрыдались, я понял, что мы натворили. Сэнди обвила меня руками, я вывернулся из ее объятий. Мне нужно было найти Андреа. Именно я должен был найти Андреа, пока она не обнаружила нас здесь. Но в тот самый момент, когда эта мысль пришла мне в голову, она вошла в кухню, в эпицентр горя, которым мы упивались. Она услышала наш вой. Увидев ее, Джослин обвилась вокруг своей хозяйки – готов поспорить, ничего подобного она не совершала ни до, ни после. «О, миссис Смит», – вот и все, что она сказала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.